

**Дильбар БУЛАТОВА**

## **СТРАНА ДУШИ**

*Повесть*

*Перевод с татарского Валерия Чарковского.*

Обрыв

1980 год, октябрь

Небо, похожее на хмурое, с насупленными бровями лицо человека... Занявший кругом все небо серый табун туч стремится куда-то на восток. Иногда он останавливается, и тогда начинает казаться, что вся тяжесть небесного свода сосредоточилась только на одном этом поле. Хоть разродились бы тучи, как стельные коровы, ливнем сплошным. Стало бы легче, дышать бы стало свободней. Тогда бы эти четыре женщины, маявшиеся на картофельном поле, сослались бы на дождь и разошлись по домам.

Но нет дождя. Тучи безмолвны и равнодушны. Немы поздней осени черные поля, и голые осокори немы. Там и сям торчащие картофельные стебли похожи на редкие волосинки на черепахе старого человека.

Только копнешь под корень лопатой, вывернешь с чавканьем ком грязи, мелькнут в нем две-три белые картофелины величиной с куриное яйцо, а в ямку сразу наливается вода.

В этом заходе собирать картошку — очередь Галии. Когда ведро наполняется, его нужно отнести к стоящей на краю поля тележке. Вечером трактор увезет ее на ферму.

Для еды эта картошка явно не годится. Подмерзшая и подмокшая, она вся почернела изнутри. На ферме ее промоют и пустят на корм свиньям.

Скользкая рама выдавшей виды, латаной-перелатаной тележки лежит, упершись в землю. По ней надо подняться и высыпать в кузов ведро. Видать, неосторожно наступила. И сама не поняла, как поскользнулась, обо что-то ударилась и упала лицом в грязь. Грудь пронзила страшная боль. Кто знает, сколько бы она бездыханная лежала, если бы не Малика, которая увидела и перевернула на спину.

– Говорила я Фарраку: «Собаку в такую погоду не пускают, а ты нас гонишь в поле, ты нас за свиней своих держишь».

– Мы для них не дороже трехкопеечной картошки!

– Тише, девчата, тише! Сверху ведь велят. И день и ночь талдычат, ни грамма чтобы не пропало. И Уфа об этом говорит, и Москва. Мы маленькие люди. Что толку от нашей болтовни!

– Да перестань ты, Малика, как стала звеньевой, так готова им пятки лизать...

Эти голоса доносятся до нее будто сквозь какую-то завесу. Нет, как будто под водой она лежит. словно угодила вдруг в глубокий омут, а грудь придавили огромным, невероятно тяжелым камнем. «Пожалуйста, пожалуйста, не молчите, умоляю! — кричит Галия. — Пожалуйста, пожа-а-луйста!..»

На дно омута протянута тоненькая нить. Она соткана из голосов женщин. Если ручеек слов прекратится, оборвется и нить, и Галия навсегда останется на дне этого мутного ледяного омута. «Нет! Умоляю вас, говорите!»

Слов уже не разобрать. Нить становится тоньше волоса. Галия вцепилась в нее обеими руками. Пытается вырваться наверх, туда, где брезжит свет, откуда

слышатся голоса. Но сил нет. Они убывают, будто песок в огромных песочных часах... И терзающая грудь нестерпимая боль тоже потихоньку уходит, растворяется. Наверное, и пальцы можно разнять сейчас... И сама ведь она, словно комочек снега, попавший в весенний бурлящий поток, тает и тает. Зачем мучиться? И поток ее зовет: растворишься, говорит, тихо-безмолвно в моих объятиях.

Может, согласиться, начинает думать она. Только пальцы разжать. И слиться с течением реки. И мучиться не надо, и стараться... Волосок уже в паутину превращается. Ну и пусть превращается. А мысли? Мысли тоже должны пропасть?

У нее было несколько мыслей, которые были ей очень дороги. Они не такие черные и мутные, как этот омут, они как радуга! Они лучисты, теплы, светлы! Что случится с ними, если Галия растает? Кто будет размышлять над ними так, как размышляет она? И даже сейчас, у последней черты, она не может отречься от них!

Где-то в глубине души возник слабый голос. Это была ее воля. Она еще не слилась с рекой. И пальцы еще не разжались. Галия решила не разжимать их, терпеть до конца. По собственному желанию, по собственной воле лишиться мыслей своих и слиться с потоком беспамятства она еще не готова!

«Шестеро! Шестеро!»

Что это означает? Что это?

Пытаясь вспомнить, что означает это слово, Галия барахтается, чтобы вырваться из безжалостного и равнодушного, стремительно несущего ее потока. Но паутинка, за которую она держится, становится все тоньше и тоньше.

...Было совсем светло, когда она открыла глаза. Молочно-белый свет врывается через огромные окна и, отражаясь от светло-желтых стен, играет на высоком белом потолке.

– Сабирова! Не спите! Кому я говорю, не спите!

Грубоватый и чуть хриплый, строгий голос мешает ей, злит ее. Но она понимает, что должна подчиниться этому голосу. Иначе тот бездонный омут появится снова и снова начнет тянуть ее в свои липкие объятия.

Очнувшись от наркоза, Галия узнала о том, что три дня лежала без сознания. У нее было воспаление легких, перелом ребер. Скоро она научилась по взглядам медсестер и дежурных врачей определять свое состояние. Стала различать вкус творога и каш, которыми с ложечки кормили ее няни.

Утром ее перевели в общую палату. К тому же, оказывается, должен был прибыть какой-то профессор, поэтому везде чистили, мыли и все пропахло хлоркой. Весь персонал нервно суетился. И вот профессор вместе со свитой остановился у ее кровати.

– Особенно тяжелый случай, — сказала лечащий врач. — Поступила с травмой. Провели интенсивную терапию. Однако у пациентки выявились и другие болезни. Сильное воспаление суставов. Сердце изношено. Гемоглобин — восемьдесят. — Женщина многозначительно махнула рукой.

Все взоры устремились на Галию. То ли от стыда, то ли от этих взглядов у нее по спине побежали мурашки, и она что есть силы зажмурила глаза.

Больше ее не беспокоили. Но медсестры стали относиться к ней уже не так, как раньше. Одни глядели на нее с жалостью, другие спешили отойти, словно от заразной. Галия все это чувствовала, но понять не могла, казалось, что ее застали за каким-то неприглядным делом. Наконец-то томительные дни стали близиться к своему завершению. В пятницу — на выписку! После обхода велели зайти в ординаторскую.

Галия была бесконечно благодарна заведующему за его тактичное, внимательное отношение. Она ведь и сама когда-то училась на фельдшера, мечтала стать врачом. Может, поэтому врачи казались ей кем-то вроде волшебников. Когда в развевающихся халатах и накрахмаленных колпаках врачи и медсестры проходят по коридору, они кажутся людьми совсем из другого мира. А такие, как Галия, могут только заглянуть в этот мир, вот так, чуть приоткрыв дверь.

Заведующий что-то сосредоточенно писал. Стол завален бумагами, бланками. Мельком взглянув на робко поздоровавшуюся с ним женщину, он взял лежащий отдельно листок и протянул его Галие.

– Выписку возьмите.

– Уж спасибо вам! Такое тяжелое состояние у меня было, что думала, на тот свет отправлюсь. Если бы не вы... На ноги поставили.

– Ладно, Галия-ханум. Только когда вы вернетесь, с этой выпиской к своему участковому врачу сходите, хорошо? Как дальше лечить, он решит, нужный курс подскажет.

Он, кажется, хотел еще что-то добавить, но, смерив женщину задумчивым взглядом, не сказал ничего.

У Галии ёкнуло сердце. Она с детства была чутка, как лань. Самая младшая в семье, где росли двенадцать детей, она по одному взгляду, по голосу сразу определяла, кто есть кто, с полуслова понимала то, что ей хотели сказать. И теперь в вежливых словах заведующего она почуяла какую-то опасность. Да и прошлый обход оставил у нее в душе щемящее беспокойство. Не зря все это... Чтобы вручить выписку, в ординаторскую не приглашают, в больнице она не первый раз, как-никак шестерых родила.

Однако радость возвращения домой заглушила сознание, ей и самой не хотелось обращать внимание на этот тревожный знак. Зачем бежать впереди паровоза? Да она и так по мелочам не любит расстраиваться. С чувством юмора бабка, как говорится.

Тагир

2005 год, апрель

Тагир был в полной растерянности. То ли нарочно говорит врачиха, то ли шутит так или обиделась на что-то и выдала такое.

– Я ничем не могу вам помочь, — сказала Резеда-ханум, опустив зеленые глаза, окаймленные длинными густыми ресницами. — В данном случае медицина бессильна. И сами знаете, все необходимые и все возможные меры мы использовали. К сожалению, аллергия с научной стороны недостаточно изучена. Вам придется смириться со своей болезнью.

– Резеда Рафаиловна, я заплачу сколько надо! Вы знаете, я свое слово держу! Я...

– Э, Тагир, — врач, сняв очки, вышла из-за стола. — Вы образованный, умный человек. Коли так, зачем ходить вокруг да около. — Засучив рукав, она обнажила локоть. Он весь был усыпан розовыми, величиной с брелок пятнами... — Если бы могла, разве бы не вылечила это? Как весна — так сразу набухают. Сколько лет уже! Так что, товарищ Тагир, коль уж попался, держись, придется смириться с этим...

Молодой человек вышел на улицу. Печальный, как ребенок, потерявший дорогую для него игрушку, пошагал к своему автомобилю. Как же так? Медицина, мол, бессильна. Знаем мы этих врачей. Только посетителей могут регистрировать

— совсем в статуправление превратились. Взятку она, конечно, ждала. А когда своего не получила, решила разыграть. Шалишь! Больше нечего сюда ходить. К профессорам пойдет, а если надо будет — в Москву, за границу поедет, но своего добьется. Из-за какой-то ерундовой болячки он свою устроенную, комфортную жизнь ломать не собирается.

Тагир был из тех, кто причислял себя к счастливым, баловням судьбы. Сын родителей, хорошо усвоивших нормы современного бытия, последние десять лет он вел весьма вольный образ жизни. Идя по стопам отца и матери, он тоже окончил нефтяной институт и на том же геофизическом предприятии, где трудились родители, стал руководителем отдела. Конечно же, он прекрасно знает: роскошный загородный коттедж, шикарный автомобиль, место среди городской элиты так просто не даются. Поэтому он, как ястреб, был всегда настороже. И чужого не тронет, и своего не отдаст. Пусть только попробуют. У него всегда наготове острое словечко, язвительный ответ и — если надо — уничтожительная улыбка. С первого взгляда Тагир производил впечатление человека интеллигентного, деликатного, чуть ли не застенчивого. Бледное, немного вытянутое лицо его в сочетании с темными вьющимися волосами казалось даже обаятельным. Люди малознакомые принимали его за вполне добродушного малого, но те, кто знал поближе, относились к нему с некоторой опаской.

Друзья у него были под стать ему самому. Все они любили после длинной напряженной недели расслабиться и отдохнуть на лоне природы, устроить шумную вылазку, половить рыбу. Все они были помешаны на дорогих заграничных автомобилях, но на автогонках предпочитали наши «восьмерки». Со стороны казалось, что они не очень-то церемонятся друг с другом, хотя вели себя очень осторожно. Стычек между собой старались избегать, а для снятия напряжения в качестве объекта насмешек выбирали кого-нибудь чужого.

Однако в последнее время Тагира начало преследовать какое-то непонятное чувство. Все вроде бы в порядке. Никакой причины для недовольства или беспокойства нет. И тем не менее душа почему-то тоскует. словно потеряла она что-то, а что потеряла — забыла. И это чувство все время дает о себе знать, мучает его. Но он никак не может понять, что же это такое. Пытается найти разгадку этой тайны в путешествиях, приключениях, ночных клубах, новых знакомствах, но все старания остаются тщетными. Ему, который привык любое дело исполнять с холодной головой, по заранее обдуманному плану, это новое состояние казалось самым тяжким наказанием.

А теперь еще эта аллергия! Неожиданный диагноз врачихи, ее прогнозы сегодня вообще вывели его из себя. И даже когда сел в свой зеркально сверкающий «крузак», не смог сразу тронуться с места. Надо было как-то успокоиться, унять волнение. Нажал на кнопки магнитолы, климат-контроля. И то ли обдавший его поток холодного воздуха, то ли легкая попса помогли — он быстро сумел взять себя в руки.

Но ведь эту ситуацию можно превратить в одну из обычных проблем. Значит, остается только найти способ ее решения. Первым делом надо немедленно покопаться в Интернете, в медицинской энциклопедии. Второй шаг: найти авторитетных врачей. В-третьих, пока не решится проблема, другие, более мелкие, забыть, отставить в сторону. Например, бассейн и спортзал сами собой из расписания выпадают. Девочки тоже подождут. Хотя в следующий понедельник они с Юлей собирались отправиться к морю. Путевки придется вернуть. Даже невозможно себе представить, как с этими красными «пятакми», которые то и дело высыпают на коже, можно появиться на пляже. словно придя к какому-то определенному решению, Тагир обеими руками хлопнул по рулю. Затем вытащил телефон, снял беззвучный режим и покатил в сторону своего офиса.

Подруги  
1980 год, ноябрь

«Мам, ты вернулась?!» — казалось, так радостно должны были встретить ее дети. А они все трое с растерянными лицами стояли, прижавшись к стене тесной прихожей.

— Милые мои! — обняла детей Галия. Жадно вдохнула знакомый запах их волос. — А где старшие сестры? Еще не приехали? А-а, оказывается, еще только пять часов... — И, стараясь скрыть волнение, стала нагружать их работой.

— Ба-а, чем вы тут занимались, даже пол не подмели?! Дима, бери веник и совок! Люба, ставь чай, дочка! Лена, ты пока мои сумки разгружай, вот эти банки вымыть придется. А в том желтом пакете ваш любимый лимонад.

Дети, вначале сторонившиеся своей исхудавшей, с провалившимися глазами и пожелтевшим лицом матери, вскоре подняли веселый галдеж. В доме стало, как и прежде, тепло и радостно. Большой лохматый рыжий кот, тоже узнав свою хозяйку, стал, весело мурлыча, крутиться возле ее ног.

Роман занес ведро угля и затопил печь. Потрескивая, загорелись щепки. От их пламени алыми рубинами занялись брикеты угля — и сразу пошел тяжелый, всегда кажущийся чужим запах, к которому невозможно привыкнуть.

Наконец семья собралась вместе. С шумом-гамом появились старшие дочери — Алия с Зилей. Алия со своей зарплаты купила новое пальто. Сдунув с него невидимые пылинки, бережно повесила в единственный в доме шкаф. Вместе с ними тесная барачная каморка наполнилась молодым задором и веселым смехом. Вид матери их не напугал, поскольку они уже навещали ее в больнице.

Оказывается, отец, уходя, сварил полную кастрюлю картошки. Все вместе с удовольствием ее умяли. Со смехом и разговорами попили чаю. У младших наконец развязались языки.

— Мама, мама, а нам косы папа заплетал! Хи-хи, а он сначала даже не знал, как это делать... Без тебя он и печку сам топил.

— А мы помогли ему воду носить. У нас есть свои маленькие ведра, Зиля подарила.

— «Зиля-апа» скажи, грубиянка! — поправила ее Люба, желая научить младшую сестру хорошим манерам.

Лена только показала язык.

— Ладно, попросишь еще у меня что-нибудь, — надула губы, обидевшись, Люба.

— А Дима не помогал нам носить воду.

— Пригожие мои, детки мои, — ласкала детей Галия, глядя их похудевшие спины.

То ли от болезни, то ли от радости, что вернулась домой, она совсем ослабла, но, хотя и сидя, сама нарезала хлеб, сама заварила чай и сама разлила его по чашкам. Истончавшие за месяц от вынужденного безделья руки соскучились по привычной работе. И она ей ничуть не в тягость. Ее не расстроили ни пустые полки в шкафу, ни истаявшие запасы круп и макарон, не стала она пенять и за плохо вымытые ложки и чашки. «Детки мои, — повторяла она про себя. — Как же вам жилось без меня? Хорошо, что старшие уже самостоятельны».

Если уж о детях, то самая старшая замужем за русским парнем, живут в Шакше, внук растет. Зять таксистом работает. Алия на десять лет младше. Она

выучилась на цветовода-продавца и теперь работает в совхозном магазине, продает цветы. Зиля учится на швею. Единственный их сын Дима, на которого не надеется отец, — в седьмом классе. Две младшие, Люба и Лена, с разницей в три года, ходят в поселковую начальную школу.

Прибрав после чаепития со стола, Алия и Зиля заявили: «Мы уж пойдем, мам», и ушли на вечернее гулянье.

Роман проверил печь, сказал, что пойдет закроет скотину, и пропал. Младшие начали готовиться ко сну. Вытащили из-под кровати таз и затеяли возню из-за зубных щеток. Голубоглазая и светловолосая, похожая на отца младшенькая Лена подкралась к матери и потихоньку пристроилась к ней в объятия.

— Мам, а я стишок не смогла выучить! — призналась она, и слезы потекли ручьем.

Э, дитя, дитя... Стихотворение — лишь предлог, соскучился, истосковался ребенок...

Вместе враз выучили один куплет:

Зайку бросила хозяйка,  
Под дождем остался зайка.  
Со скамейки слезть не смог,  
Весь до ниточки промок.

Успокоившись, Лена заснула с улыбкой на лице, в обнимку с игрушечным зайчиком.

Потом Галия налила воды в умывальник, взяла зеркало, зашла за печку, внимательно рассмотрела место ушиба. Синяк на ребрах еще не прошел. Пройдет, как говорится, женское тело заплывчиво. Глаза провалились, и синие круги вокруг них. «Мои рубиновые глазки», — называл ее добрый сердцем отец. Будто есть такой камень красивый. Цвета бывает и синего, и алого. «Вырастешь, дочь, — говорил он еще до войны, — я тебе перстень с рубином куплю, серьги, ты только учись хорошо, ладно?» Прежде так ярко сверкавшие, эти «синие рубины» теперь потускнели, поблекли.

Что суставы болят, что сердце ноет — это уже старые, привычные болячки. И еще они каких-то диагнозов поставили. «Да пусть их, работа у них такая, у врачей. Умеют по-всякому запугивать», — утешала она сама себя, разбирая постель. И сейчас помнит, как только не мучили они ее, когда беременная Димой ходила. Если поверить врачам, Дима вообще не жилец был. А вон сейчас словно ртуть, не угонишься за ним, как бы не сглазить. Родив шестерых детей, она сама, наверно, шесть тысяч раз умирала и воскресала. Она уже привыкла к боли и трудностям. И эта боль пройдет, все уладится, все станет на свои места...

— Ой, Галчонок! Бессовестная ты женщина! Ты почему не пригласила нас чай пить?

В дверь с шумом-гамом ворвались Малика с Наташей и, ничуть не стесняясь, прошли вперед. Наташа поставила рядом с газовой плитой полное ведро молока.

— Мы твоим дочкам работы не оставили, Галка, — а сама незаметно толкнула Малику в бок. — Ха, я же говорила!

Все ли рыжие такие заводные, неизвестно, но там, где Наташа, всегда шумно и весело.

— Пока еще одной ногой в доме, а уже готовится к своему муженьку в объятия. А на самую-то посмотреть, в чем душа держится!

– Ты поосторожнее! — пыталась урезонить ее более старшая возрастом и спокойная характером Малика. — Ты все в игру хочешь превратить. Если бы понарошку, не держали бы человека целый месяц!

Она взяла стоящий у стены табурет и, усевшись на него по-мужски верхом, стала внимательно разглядывать Галию. Уловив в ее игривом, быстро бегающем взгляде смешанную с любопытством жалость, Галия внутренне содрогнулась. Или уже на работу звать пришли? А она ведь про работу за целый месяц и думать забыла. Только увидев подруг, вспомнила. И сама эта мысль бросила ее в дрожь.

Как будто почувствовав это, Наташа запела частушку:

По Агидели вниз плывут  
Бутылки, словно лодочки,  
Нам ли, девки, утонуть  
После рюмки водочки...

И тут же обняла сидящую с жалким видом на краю кровати, будто в чужом доме, Галию и залилась слезами в три ручья. В нос ударил запах самогонки.

– Не слушай ты эту совхозную вертихвостку! — вытаращила на Малику свои зеленоватые глаза Наташа и погрозила ей кулаком. — Давай ставь чай, Галчонок! Я к твоему возвращению специально одну беленькую сохранила — настоящая, магазинная. Соленые огурцы у тебя есть? Есть, конечно, ты человек запасливый, если только Ромка-наглец не слопал...

Все втроем направились в кухню. В отсутствие Галии Наташа с Маликой приглядывали за хозяйством, когда старшая дочь была в школе, Наташа, спасибо ей, корову доила. И к ней сразу прибежали, как только вернулась. Хорошо, что по пути с Романом в магазин заглянули и у знакомой продавщицы на всякий случай, хоть и дешевое, вино купили и колбасу.

– Ну, Галка, рассказывай, как твои дела, — нетерпеливо стала расспрашивать Малика, накрывая одновременно стол. — Ты сиди, сиди, мы сами все приготовим — и чай, и хлеб с маслом. Ты рассказывай, что там с тобой делали? Романа хоть спрашивай, хоть не спрашивай, кроме «может» да «не знаю», ничего не услышишь.

– Ну, что делать, — вздохнула Галия, поудобнее устроившись на старом деревянном стуле, — уколы делали, таблетками поили, ухаживали, спасибо им. Не могу сказать, что не заботились. Кто я такая для них? Деревенская баба! А вы знаете, какие там важные персоны лежат? Всем хочется выздороветь, жить долго да счастливо. Они, девчата, как мы с вами, хлебом и макаронами не питаются, индеек да виноград едят. А сами все равно хворают, удивительно! Эх, если бы нам такое доставалось, а, девушки?

– И хорошо, что не достается, — махнула рукой Наташа. — А то бы все поля в совхозе, как лошадь, вспахала. Ты же у нас «коммунистка». Не успеют приказать — бежишь выполнять. Надо научиться немного хитрить, Галь, беречь себя... Не смейся, знаю уж, все равно не послушаешь. А зря.

– На ноги уж поставили... — молвила Галия, не обращая внимания на слова Наташи. — Только вот перед выпиской сам заведующий к себе пригласил и все какие-то слова твердил. Говорил, когда вернусь, чтобы шла к участковому врачу. Лишь это меня беспокоит.

– Что, даже так? — сочувственно спросили Малика. — Тебе самой-то как? Мы ведь уже в таком возрасте, что сами можем свое состояние определять.

– Да и самой мне кажется, будто что-то не так, — ответила Галия, потрогав родинку на шее. — И силы не те. И суставы так же, как и раньше, ломит. Осенью

ведь всегда обострение бывает. Вот тут, в животе, иногда так кольнет, так кольнет.

— Не горюй, у тебя ведь в Москве, в Казани столько родни. И все врачи. Чего они врачами называются? Чтобы одной родственнице не помогли? — возмутилась Наташа и опять принялась пить:

Я корова, я и бык,  
Я и баба, и мужик!

— А перестань ты, не даешь человеку даже слова сказать! — Малика по-настоящему рассердилась на Наташу. — И зачем я тебя привела? Надо было одной прийти. Ты чего расселась, это что тебе, праздник, что ли?

— Ладно уж, не ругайся, — кинулась Галия защищать Наташу. — Она ведь от чистого сердца.

— Во-во, — погрозила пальцем погрузневшая Наташа. — Галка все равно больше меня, а не тебя уважает. — Тем не менее прикусила язык и принялась пить чай.

— А какие тут у вас новости? Уборку, наверное, уже закончили?

— Уборку-то закончили, а все равно в амбаре горячее зерно лопатить приходится. Засыпать поторопились, оно и горит теперь. Вот и занимаемся, недотепы, тем, что переливаем из пустого в порожнее, — возмутилась пришедшая в себя Наташа.

Малика долила в чашку Галии чай и продолжила говорить свое:

— Недавно Фаррах про тебя спрашивал. Вы, говорит, ездили к ней, как она там, не рассказывает ли, что у нее производственная травма?

На лице у Галии выступил румянец. Прикрыв рот ладошкой, покачала головой.

— Ужас, вся его забота об этом? Передайте ему: никого обвинять не собираюсь. Нет на это ни сил, ни желания. Хотя женщины в палате настраивали меня: ты, мол, даже свою дирекцию можешь прижать и квартиру без очереди получить. Нет! Мне мать всегда говорила: от дороги, где суд да черт ходит, подальше держись. Никто же не толкнул меня, сама упала. Не хочу, чтобы надо мной вся Семеновка смеялась.

— И-и, зачем пришли-то, забыла. Совсем беспамятная. — Малика вытащила из пальто на вешалке у двери газетный сверток. — Ведь зарплату за август давали. Твою я с руганью вырвала и за тебя расписалась. А то эта новенькая девчонка-кассирша не хотела давать. Я говорю, ты кто такая будешь, еще под носом не высохло, говорю, да ты знаешь, сколько этот совхоз из нас жил вытянул? Мы тут по тридцать лет вкалывали, в грязи ползали, горб зарабатывали, из строя полностью вышли, а ты, молокососка, хочешь, чтобы Галия-апа, которая своим честным трудом эти копейки заработала, чтобы она за тобой ходила и кланялась?

— Ну, не только ты одна, — вмешалась Наташа, — мы все набросились.

На впалых, тронутых желтизной щеках Галии зарделся румянец радости.

— Вот ведь, вот ведь! — по-детски захлопала она в ладоши. — Ну, спасибо вам, девочки! Хорошо, что вы есть, хорошо, что есть у нас работа. Работаем, и деньги приходят. Как бы ни ругали, платят ведь. Наши матери за палочки спину гнули.

Малика сунула ей в руки еще один сверток.

— Это от нас, от девчонок, — пояснила она. — Сразу после расчета собрали. Для чего-нибудь пригодится, для лечения или еще чего, сама решишь.

От волнения Галия даже «спасибо» забыла сказать.



– Не надо бы, у каждой своя семья, дети, — совсем смутилась она.  
– Да ладно, Галчонок, мы уж тронемся, — вскочила с места Наташа, покосившись на Малику. — Вот и Роман вернулся. Еще турнет нас отсюда. Завтра зайду одна. В магазин сходим, продукты ведь, говоришь, кончились. А мне с тобой наедине поговорить надо. Мы тут даром время не теряли...

Проводив гостей, хозяйка прибрала со стола, вымыла посуду, налила воды — помыть ноги Роману. Ее распирала радость, что появились деньги на жите, и ей хотелось поскорее поделиться этой радостью с мужем.

Мама

1982 год, апрель

Яблоневое зернышко терпеливо ждет, когда упадет и прорастет на краю оврага.

– Не спеши, — обращается к нему Галия. — Подсыплем немного песку, немного золы. Вот эту старую лопатку на самое дно воткнем. Зачем, говоришь? Надо, мой милый, все надо. Как зола легкая вверх летит, так и ты поднимайся, пусть плодов у тебя будет несчетно, как пылинок этих. Чтобы корни твои не подгнили, навоз потом сверху положим. Даже у розы цветы без навоза не распускаются. А ты знаешь, сколько я сегодня роз в теплице на продажу срезала? Тысячи роз за год выращивает твоя Галия-апа. Уфимским парням, когда они дарят букеты прекрасным изнеженным девушкам, наверно, даже в голову не приходит, что эти красивые цветы выращивают толстые, с кривыми ногами и загрубелыми руками женщины. Вот, родной, расти здесь, в тихом месте, возле окна. — Взглянула на одинокий, застенчиво стоящий саженец и подмигнула ему: — У тебя еще впереди время цвести и приносить плоды...

– Молодец! — воскликнул кто-то, толкнув в бок Галию.

Оказалось, это Наташа.

– Ну, Галя, ты даешь! Квартиры достраиваются, а ты перед баракон деревья сажаешь, — затараторила подруга, присев на низкий дощатый забор.

Как будто очнувшись от сна, хозяйка торопливо потянулась за ведром с водой.

– И перед окнами новой квартиры посажу, — проворчала она. — Слезай с забора, раздавишь ведь, в тебе же весу не меньше центнера.

– Слыхала новость? — спросила Наташа, не обращая внимания на ее слова. — Новый директор собирается новый график вводить. Сменную работу якобы кончают. Участки поделают между бригадами, и, пока продукцию в магазин не сдадут, будешь за нее отвечать.

– А что? Может, зарплата повысится, — ответила Галия. — Младших дочерей замуж выдавать надо. Диму в техникум отправить учиться.

– Глупая ты! Совсем ума нет! — громко рассмеялась подруга, показывая крупные зубы и по привычке тряхнув большой рыжей головой. — Это опять Фарраха на руку. Теперь, наверно, вертолет купит. Или самолет. Все, что мог взять, — взял, что хотел построить — построил.

– Да ну, Наташа, нечего в чужой карман заглядывать. Пусть что хочет, то и делает.

– Ты из-за него чуть инвалидом не сделалась, а все защищаешь. Всю жизнь слишком добрая была. С тобой, глупой, разговаривать — сама глупой станешь. Малика передала, чтобы после обеда на помидорную рассаду переходили, вот это тебе заодно сказать хотела.

– Ты что вышла? Сын-то как твой?

— В баню сводили с Семеном, — ответила подруга. — В обед-то народу меньше. А состояние такое же, как и прежде. После больницы немного лучше бывает, а потом опять все то же начинается. Сдавайте, говорят, в интернат. А как свое родное дитя в казенный дом сдашь?

В этот момент раздался громкий крик выбежавшей из дома Лены:

— Ма-а-ма-а! Бабушка упала!

— Откуда? Как?

— Когда ты вышла, мы с Любой решили вымыть окно. А бабушке не понравилось, как мы моем. Она выхватила у нас из рук тряпку и сама полезла мыть. Вверх потянулась, поскользнулась и упала на пол. — Фиалковые глаза Лены широко распахнуты, веснушчатое лицо покраснелось.

Бросив лопатку, Галя поспешила домой. Старушка действительно лежала на полу. Мысль «Ногу сломала!» больно пронзила сердце. Даже сквозь чулок видно, что ниже колена вздулась шишка. Однажды уже был перелом на этом месте. Правильно говорят: на низком месте вода собирается, к больному человеку болезнь пристаёт. В тот раз тоже не понравилось, как внучки моют под кроватью. На этот раз — окно. Старым костям много ли надо? И чего ей было лезть на подоконник в её восемьдесят пять лет?

Но ведь этого ей не скажешь. И так каждый день ворчит: «Разве может быть благодать в доме, где едят свинину? Уйду! Ни минуты больше не останусь, уйду! К Саиме уйду! Для одной головы место найдется. На миру и воробей не умирает. Об одной матери позаботятся». Галя никогда не перечила ей. Глядишь, не пройдет и недели, как мать снова к русскому зятю, к русским внукам возвращается.

На телефонный вызов «скорой помощи» время тратить не пришлось. Как раз к обеду Роман привез из школы Диму. У Димы слезы брызнули из глаз, когда увидел бабушку в таком состоянии. Наташа тоже помогала, застелили кузов периной и уложили на нее старушку. «Вот, бабушка, езжай, как королева, на перине», — пошутил Роман, на что жена погрозила ему кулаком: угомонись, мол. В кабину бабушку посадить нельзя было, опухоль поднялась вверх, и нога в колене не сгибалась. Сначала из кузова выгрузили арбузы. Роман доставлял в один уфимский ресторан продукты. А при случае ягоды-фрукты или что-то другое прихватывал и домой привозил. Кто ищет, тот всегда находит, и вот сегодня на базаре арбузы по дешевке попались. Пусть некоторые и помялись, но дети рады-радешеньки, в один миг все перетаскали. И Наташе тоже гостинец дали. «Ты уж передай на работе, — попросила Галя, провожая её, — в крайнем случае за сегодняшний прогул я в выходной выйду, до вечера вернуться не получится».

Роман оставил их в травмпункте и уехал по своим делам. К его возвращению бабушка уже прошла рентген, ей наложили гипс. Услышав историю падения, врач покачал головой и высказался недовольно: «В вашем ли возрасте, бабушка, по подоконникам скакать?» А она совсем как дитя малое, расстроенная. Для человека, который и минуты спокойно посидеть не может, находиться в гипсе — все равно что в тюрьме срок отбывать. Только одно и сказала: «Как же я теперь намаз читать буду?» — «Не горюй, мама, — утешила её Галя, — сидя будешь читать. Даже если и совсем читать не будешь, тоже ничего страшного не случится... И так всю жизнь ни одного не пропустила. Отдохнешь немножко».

Уж очень она религии привержена. Да еще к дочери постоянно вяжется. Ходи, говорит, в платке, надевай юбку. Галя никогда ей не перечит, старается все в шутку перевести. «Э-э, времена ведь другие сейчас», — пытаются иногда вразумить бабушку родственники. Да куда там, и слышать ничего не хочет старая, на своем стоит. Хорошо хоть, что при Романе язык за зубами держит. «Бог есть, и он един, а вера в душе должна быть», — думает сама Галя. Что поделаешь,

мать она почитает, очень любит, но все же белой вороной среди подруг быть не хочется. Иногда и вина попробуешь, и сигаретку выкуришь, — что люди делают, то и ты.

Вот и в газетах, и по телевизору день и ночь толкуют: до коммунизма, мол, осталось совсем ничего. Вроде и верить этому хочется, да только вот что в сомнение ввергает: в магазинах шаром покати. Поэтому продавцы — самые уважаемые в поселке люди. Ладно еще сама Галия с продавцами в дружбе. Тот раз мыла заставили набрать. «Бери, Галя, бери, дальше еще хуже будет, мир к лучшему не идет. Неужели там, наверху, про этот дефицит не знают?»

В той уфимской школе, где учатся её дети, первого сентября ей как многодетной матери и представителю многонациональной семьи всегда дают слово. Её так и подмывает там, перед всем миром, высказать эти свои сомнения, но нельзя портить людям праздник. Когда возвращались домой, старушку пытались уговорить сесть в кабину. Весенний день клонился к закату, небо затянуло тучами. Но бабка рядом с зятем сидеть не захотела: заупрямилась и посадила посередине дочь.

Вцепившись в ручку кабины рукой с узлами синих вен, она всю дорогу просидела молча, поджав тонкие губы. С асфальтовой дороги машина свернула на гравийное шоссе и застучала, загремела по кочкам и рытвинам. С одной стороны в окно видно совхозное картофельное поле, с другой — полосу тополиной посадки. Где-то посередине дорога забегает в лес. И там издали бросается в глаза старый дуб. Все сучья на его стволе высохли и отвалились, только один, справа, на самой верхушке, точно пытаюсь что-то сказать или предупредить о чем-то проезжающих и проходящих путников, провожает их с безмолвной печалью. Перед самым поселком раскинулись новые, с полукруглыми крышами, теплицы. Их поставили недавно на месте разобранных старых. Хоть в догонялки в них играй — просторно, высоко. Снаружи хоть сорок градусов мороза — внутри всегда теплый влажный воздух. Коль газ имеется — любую погоду сделаешь. А раньше, если внезапно начинались заморозки, поднимали ночами женщин, и, чтобы не померзла рассада, приходилось с вечера до утра топить буржуйки.

Ей знакома каждая пядь этих полей и этих дорог. Сколько раз она прошла вдоль и поперек с кетменем и лопатой! С тех пор как переехали сюда, наверно, минуло больше тридцати лет. В этом поселке они обосновались случайно, поскольку для Галии здесь нашлась работа и предложили комнату в бараке. Однако фельдшером она не успела поработать даже года — на ее место определили только что окончившую училище килен\*.

Почти все родственники Галии с образованием. Так хотел отец. В свое время молодым парнем, перебравшись из Казани, он устроился в Златоусте управляющим у одного золотопромышленника. Наверное, он был очень мудрым человеком. Детей старался учить, находил для этого возможности. Да и запасы, наверно, кое-какие были. Хотя двухэтажный каменный дом в Златоусте отобрали, но в смутные годы самого отца не тронули. Может, и его тоже, как и других, сослали бы в Сибирь, но он успел погрузить в поезд жену с кучей детей мал мала меньше и уехать в Уфу.

По мере того как дети подрастали, отец отвозил их к родственникам в Москву и в Казань — учиться. Галия родилась уже в Уфе. Старшие брат и две сестры тоже уфимцы. Младшим, «поскребышам», как говорила мать, учебы не досталось. Началась война. Надо было выживать. Вот тогда и остались в совхозе, когда им дали в бараке комнатку. Что поделаешь, лбом стенку не прошибешь. Мечты стать врачом угасли. Один за другим пошли дети — и хвост примерз ко льду.

Она помнит тот день, когда отец вернулся с фронта, помнит, как он, сгорбившись, осторожно двигался, боясь потревожить сидевший в поясице осколок. Это был круглолицый, с улыбочивыми черными глазами, с бровями вразлет, как у птицы крылья, мужчина. Уже сорок лет, как он умер. Полная противоположность своей жене. У той на ходу подметки горят, скажет — как отрежет, пока своего не добьется — не отступится. А попробуй быть другой с двенадцатью детьми, чтобы всех уберечь, всех вырастить и всех в кулаке держать. Ну, если про то говорить... Потеряла все-таки, не уберегла...

В первый год войны то было. Они, три девчонки, побежали на реку купаться. Теплый, чуть пасмурный день. То ли заплыли далеко, то ли в воронку попали — вода их сразу и закружила. «Тону», — мелькнула страшная мысль, и Галя из всех сил рванулась к берегу. Чуть не захлебнувшись, едва дыша, выбралась на берег и средняя сестра. А их Чибар-апы нет. Среди двенадцати детей была она самой красивой, самой бойкой, поэтому и звали её не по имени, а называли Чибар-апа — «красивая апа». Обессилевшие, в ужасе бегали девчонки по берегу туда-сюда, однако над голубыми холодными волнами не было видно ни одной живой души.

Всю глубину выражения «как в воду канул» Галя поняла именно тогда. Как застыло лицо матери, когда они принесли ей эту страшную весть! Такого не пожелаешь и врагу... Галя, считая себя виноватой, всю жизнь изводилась, и ей постоянно снился тот страшный день. А средняя сестренка после этого случая стала немой. А что пережила мать, как она выдержала?

Думая об этом, Галя еще раз взглянула на мать. Вся фигура её съежилась, как у голубки, упавшей в воду, на лице — уныние. Да, птицы выглядят привлекательными только в полёте...

До дому они добрались уже затемно. Девчонки истопили печь, на газовой двухконфорочной плите кипит целый котел с борщом. Зятья тоже пришли с работы. Младшие учат уроки. Без лишних слов поели и улеглись спать.

Все одиннадцать душ помещаются в одной — четыре на пять шагов — комнате и в маленькой кухне. Старушкино место в переднем углу, на сундуке с периной, в ногах — табуретка. Вдоль двух стен — занавески, которыми отгорожены две софы. На них лежат средние дочери с мужьями, в колыбели — грудной ребенок старшей. Алия с Зилей, будто сговорились, обе в этом году вышли замуж. Хоть свадеб пышных не делали, но никак\* справили. Алия до смерти влюбилась в азербайджанского парня, Зиле вскружил голову башкирский егет. Бабушка не нарадовалась: свои, мол, мусульмане. Мусульмане-то мусульмане, а жилья ни у кого нет. На подоконнике — Зилина швейная машина. Возле печки, на самом теплом месте, — Дима, Люба, Лена. Галя и Роман — на кухне, на деревянных нарах. В отличие от прошлых вечеров, сегодня и ребенок не плакал, не капризничал, и школьники возни не устраивали.

Так хлопотный, суетливый день тихо перешел в объятия ночи. Только Галя, по своей привычке думать о завтрашних делах, не смыкала глаз. Алла бирса\*\*, нога у матери срастется, ведь сказал доктор: не горюйте. Слава Аллаху, все живы-здоровы и сыты! В доме, конечно, холодновато, да и темновато, но и об этом она не горюет. Совхоз обещает в скором времени квартиры построить. Она в который уж раз предалась розовым мечтам. И вздохнула легко.

Придут еще дни, когда они, как гуси-лебеди, будут плескаться в ванне с теплой водой, когда они в любви и согласии будут жить в светлой просторной квартире. Только надо терпеть и ждать.

Дорога

1982 год, октябрь

Поздняя осень. Безнадежная и неприглядная пора. Сладковатый запах прелой листвы давит своей безысходностью. И белые крупинки снега, начавшие устилать черноту земли, кажутся неким спасением от осеннего уныния. Сердце то начинает часто-часто биться, то, немного успокоившись, дает возможность забыть о себе. А потом снова и снова...

И в этот раз была осень. И только сейчас она поняла смысл косых взглядов и недомолвок. Именно сейчас.

Ей тяжело. Хочется бросить все и, подобно птице, взмахнув крыльями, улететь куда-нибудь далеко, скрыться в неведомой стране. Кажется, что у жизни, за которую она когда-то цеплялась всеми силами, не осталось ничего привлекательного. Она будто в каком-то запутанном лабиринте. На окне — металлические жалюзи. Они медленно раскачиваются от дующего в щели рамы ветра. Галие холодно. Мерзнет не только ее измученное, усталое, обессиленное тело, но и душа. В голове кружится неизвестно где услышанный отрывок то ли песни, то ли стихотворения:

Странное чувство:  
Мерзнет душа...

Иногда заходят безразлично-равнодушные медсестры. Те же самые стихотворные строчки капают одна за другой из поставленных ими систем. Капают и исчезают в игле, введенной в ее голубоватые исколотые вены.

Она еще в сознании. Еще понимает: если утратит волю, те шесть лучиков останутся обездоленными, угаснут, засохнут, как цветы без воды. Ведь Галия так их растила, холила. Она же на них насмотреться не могла, они душу ей согревали. Ради них, себя не жалея, в земле копалась, до зари на работу бежала, скотину разводила, огород держала. Милые, они в глаза ей заглядывали, с полуслова ее понимали. Была бы ее воля, не отходила бы от них, и если бы не эта принудительная работа в совхозе, разве бы она через два месяца после родов побежала в поле, соседских бабок наняв или мать упросив за ребенком смотреть...

Даже картошку не успели выкопать. Сумели ли они до дождя ее просушить, гнилую выбрать, а остальное в погреб заложить? Что ни говори, а этим год кормится. С тех пор как Галия попала сюда, небо будто прохудилось — и льет, и льет. Крыша сарая обветшала, наверно, в дождь промокает и изводит всех... Корову доят разные люди, и та, должно быть, меньше стала давать молока. Зиля в Нуриманово переезжает, на зиму избу надо мазать, хоть бы помочь собрала, а то сама беременная, с глиной будет возиться, как бы плохо ей не стало. Романа или детей начнешь об этом расспрашивать — все только руками машут: «Все хорошо, нечего из-за пустяков расстраиваться». На новый учебный год Лене надо было резиновые сапоги купить. Те, что от старших сестер остались, прохудились совсем. В дождь из-за промокших ног будет страдать ребенок. Надо сказать, чтобы полиэтиленовые мешочки изнутри надевала, так ноги сухими останутся.

Бегом бы убежала, нет, птицей домой улетела бы. Душа ее с неудержимой силой рвется в ту тесную комнатку в бараке, ее жизненное прибежище, где она упавшим в землю зернышком пустила корни. Однако ноги ее, которые весь век не то что ходили, но, можно сказать, рысью бегали, — сейчас будто ватные. И в руках прежней силы нет. Когда еще она к ней вернется? И вернется ли?.. То ли желая согреться, то ли для того чтобы избавиться от мрачных мыслей, Галия накинула на плечи шаль, которую в прошлом году на праздник 8 Марта подарил

ей муж. У этой шали своя забавная история. Чувствовала, конечно, Галия, что у Романа что-то есть на уме. Чего только она не передумала, когда он тихо крался, как кот, который наелся уворованной сметаны, и скромненько прошмыгивал в постель. Замечала она и то, как он шептался с младшей ее сестрой Саимой и как то и дело переглядывались они украдкой. А потом, ни слова не говоря, взяли да и привезли ей из Уфы эту большую, как одеяло, и мягкую, как пух, шаль. За такую цену! Такую дорогую сама никогда не купила бы. «У кого взяли, тому и верните обратно», — ругалась она. И, только испугавшись обиды Романа — «Ладно, жена, коль единственный мой в жизни подарок тебе не по нраву пришелся», — перестала кипятиться и приняла столь роскошный дар.

Сегодня ей вручили все бумаги на выписку. Роман, который должен был приехать за ней в обед, не появился и в семь часов вечера.

Нет, Галия даже представить не может, что придется ждать до завтрашнего дня. Она здесь и минуты лишней не вытерпит. Каменные стены больницы душат, давят ее. Ей кажется, если она выйдет на улицу, придет домой — станет лучше, легче дышать. И все будет как прежде, пропадут нескончаемые болезни, уйдет изнуряющая тело слабость. Вещей у нее мало. Женщины-подруги принесли ей яблоки, Аниса — орехи, какой хороший подарок детям! Грецкие орехи особенно Дима любит. Обрадуется ребенок. Как у него там, интересно, с учебой, может, на тройки уже съехал?

А если позвонить по телефону, который в конторе? Нет, не надо, Роману будет беспокойство, и так, наверно, из сил выбился туда-сюда в больницу мотаться и семейный воз в одиночку тащить. Должно быть, сидят, ужинают, корову уже подоили.

Но вышло так, что она опоздала. Маршрутные автобусы уже все ушли, вон, должно быть, последний в Уфу торопится... Она «проголосовала», и остановились «жигули». Оказывается, всей семьей едут на дачу. «Будьте счастливы, мои милые, чтоб вам не выпало того, что выпало на мою долю. Да поможет вам Аллах», — повторяла женщина про себя слова благодарности этим добрым людям. Кудрявый мальчишка на заднем сиденье — сказали, что зовут его Тагиром, — сначала, стесняясь ее, забился в угол, а потом, освоившись, затараторил: «Мам, а зачем мы эту бабушку посадили? А что, у нее своей машины нет? А почему у нее пальцы кривые? Mam, а почему она плачет?» Мать, испытывая неловкость, извинялась и пыталась отвлечь мальчишку, совала ему в руки игрушки. А он, будто соль ему насыпали, так и пристал к Галие. Достав из сумки яблоко, женщина обтерла его и вручила мальчишке. Сначала он вопросительно взглянул на мать большими круглыми глазами: можно? Когда мать кивнула, взял яблоко, повертел его в руках и сунул в карман джинсов.

Уже смеркалось, когда Галия вышла на повороте дороги, ведущей к поселку. Попросить хозяев машины довезти ее до места она постеснялась. Путнику благословенен путь. А она три километра как-нибудь осилит. Не в первый раз.

Как-то и ночь сразу опустилась. Снова, затянув небо, плывут черные, будто их в сажу окунули, тучи, под ногами чавкает липкая, как смола, грязь. Боясь забрызгать шаль, Галия сняла ее, свернула и положила в сумку. Желтое блюдо луны, вынырнув из торопливо бегущих облаков, заливает все вокруг желто-голубым светом, и мир снова погружается во мрак. Прошедший днем дождь торопится под прикрытием ночи снова подняться в высоту, но даже южный ветер не может разогнать влажный, застоявшийся воздух. Этот воздух, как удав, обвивается вокруг шеи Галии, дотягивается до ее больных легких... Отчего же суставы ее стали мягче ваты и так ослабли?

И опять, как в тот злополучный день, она упала навзничь в грязь. Но сознания, однако, не потеряла и в тумане беспамятства не блуждала. Все было четко, как в ясный солнечный день, и именно эта четкость ее пугала. Или, может, ей самой не хотелось забыть? Однако никак нельзя было избавиться от той жгучей боли, которая раскаленным железом пронзила ее сердце. Она была даже сильнее той ледяной боли, которая постоянно глодала ее суставы. Холод жидкой грязи привел ее в чувство. Но встать не было ни сил, ни желания. А так, оказывается, даже удобнее. И она поползла вперед на четвереньках. Она чувствовала, что колени ее намокают, что галька обдирает ладони, но это как будто немного успокоило ее часто колотившееся сердце. Слова врача, услышанные ею сегодня утром, были категоричны: «Радуйтесь, что опухоль оказалась не злокачественной, вполне возможен был и худший сценарий. Нет, с таким сердцем ни один врач не возьмется делать вам операцию. У вас очень низкий гемоглобин, даже странно, что вы еще ходите. В лучшем случае вы опоздали на два года. Сами виноваты. Оказывается, вам уже два года назад говорили. Что вы делали столько времени?» — «Я тогда посоветовалась с родственниками. Они ведь врачи у меня, с высшим образованием. Они сказали, что опасности нет». Врач ничего не ответила. Только еще больше поджала тонкие губы. «Что же мне делать? — зарыдала в голос Галия. — Мне ведь жить надо, работать надо. Кто будет кормить-одевать моих шестерых детей? Самому младшему десять лет! Если я слягу, что тогда с ними будет?» — «А-а, вот оно как, — казалось бы, должна сказать молодая докторша, — тогда я предложу вам вот такой рецепт», — и выписала бы какой-нибудь действительно чудесный рецепт. Хотя бы успокоила, какое-нибудь теплое слово бы сказала. А она лишь спросила: «Родные у вас есть? А муж?»

Только тогда Галия поняла всю безысходность своего положения. Будто со дна глубокой ямы она протягивала руку с мольбой о помощи, а ее жестоко, пинком сбросили еще глубже. Она еще этот свет не покинула, живая еще, а ее тычками-толчками стараются спихнуть с глаз долой. А ведь она, прожив пятьдесят лет, никому не причинила никакого вреда. Наоборот, только добро другим делала. Из этих мозолистых рук она не выпускала кетмень и лопату, эти руки всегда были заняты каждодневной стиркой, готовкой еды, мытьем посуды, а эти больные ноги столько лет топтали совхозную землю. Она всю жизнь кланялась этой земле, старательно ухаживая за свеклой, картофелем в поле, выращивая цветы в теплице. Уши ее терзали постоянная ругань на работе и бесконечные скандалы пьяного мужа дома. И во снах ее — всегда эти без конца и без краю поля. В тележке то ли картошкой, то ли еще чем заполненные мешки, и их, не рассыпав, не растеряв, в сохранности к какому-то сроку надо куда-то доставить...

Летом она успевала по два раза в день сбегать по ягоды. В обеденный перерыв мигом могла напечь стопку блинов, а заодно и прополоть огород. Они первыми вспахали целину за околицей поселка, начали сажать там картошку. Всю жизнь корову доила, птицу держала. А в конце недели мыла-стирала полы и белье, а потом со всей ребятней с тазами и мочалками бежала в баню. И все это она делала старательно, не ленясь, себя не жалея. «Ты почему детей не впрягаешь? Надорвешься ведь!» — донимали ее. «Еще успеют впрячься, — только и отвечала она, — пусть вкус молодости почувствуют».

Так, наверно, и должно быть. Никого не слушая, не обращая внимания даже на попреки матери, что вышла за кафира\*, она вила свое гнездо. С такой любовью и старанием устроенное, гнездо это было очень уютным, светлым и теплым. Потому что были у нее дети, шесть крох, согревавших ее жизнь. Когда совсем выбивалась из сил, падала духом, она находила поддержку и утешенье в том, что у нее есть они, что она нужна им, не могла нарадоваться тому, что они живы-

здоровы, не могла натешиться ласками своих младшеньких. Она не то чтобы пальцем их тронуть, даже голос на них не повышала. Она была готова отдать им свои последние силы, последний вздох. Подобно орлице, она могла бы укрыть их своими крыльями и защитить от всех бед на свете. Казалось, она такая сильная, что ни одна болезнь, ни одна беда не коснется ее самой. Лишь сегодня, именно сейчас, она поняла, что никак не сможет им помочь. Ибо сама Галия нуждалась в помощи. Даже самые уважаемые врачи, на которых надеялась, и те отвернулись от нее.

Кто станет ей опорой? Роман? «Бог создал мужчину не для женщины, — повторяла ее мать, — но женский род для сыновей Адама предназначил...». «Они ведь и сами как малые дети», — соглашаясь с ней, добавляла дочь. И своего Романа она тоже любила любовью, схожей с материнской, смешанной с жалостью. Ведь Роман даже более несчастен, чем она. Галия наперед готова простить ему все его грехи. У нее есть мать, десять родных братьев и сестер, зятя и снохи. Две тетки в Шакше со стороны отца — у-у, кого только у нее нет! А Роман ведь совсем-совсем один. Их, группу подростков, в годы войны привезли на поезде в Уфу и поместили в детский дом. На Украине от бомбы, попавшей в дом, погибли его мать, младшие братья и сестра. Отца расстреляли раньше, прямо на их глазах. Если б Роман не находился в это время на реке, он был бы тоже убит. Судьба улыбнулась ему: когда в него уже уперся ствол немецкого автомата, фриц почему-то смилостивился и позволил мальчишке убежать. Он бежал изо всех сил, подпрыгивая и увертываясь от лежащих у ног пуль, а вслед ему весело гоготали довольные немцы. Как только выдержало тогда сердце двенадцатилетнего пацана?

В получку, вернувшись в подпитии, он всегда рассказывал об этом и потом плакал всю ночь. Видать, сердце ныло, душа болела... Все убивается. Поехать бы ему на Украину, найти бы свою деревню, отыскать родных, ведь хоть кто-нибудь да остался, наверно. Нет, не может винить его Галия, не может...

В детстве, когда жили в Уфе, Галия была самой красивой, смышленной и озорной девочкой в округе. За словом в карман не лезла, подразнить кого — только дай. А еще — лучистые глаза, две толстых косы и легкий, веселый нрав. В восемнадцать лет она вышла замуж за Шарафа, самого видного парня в округе — моряка, гармониста, плясуна, щеголявшего в ослепительно-белом шарфе и в таких же ослепительно-белых перчатках. Егет покорила ее своей щедрой белозубой улыбкой, когда, широко раскинув руки, выходил он в круг и начинал свой зажигательный пляс. Родилась дочь Аниса. Проснувшись на рассвете, украдкой разглядывала она мужа: о Господи, неужели они принадлежат ей, эти пышущие здоровьем широченные плечи и эти крепкие сильные руки... Однако, видимо, правду говорят, что слишком горячая любовь так же быстро гаснет, — не успели они вместе прожить и трех лет, как муж начал пить, руку на нее стал поднимать, ревностью донимать. В то время Галия поступила на фельдшерские курсы. Поскольку возиться с ребенком помогала мать, с утра она шла на завод, а после обеда бежала на курсы. Но муж возвел на нее напраслину. Мужу не по нраву пришлось ее доброе отношение к людям, ее слишком откровенные, по его мнению, разговоры с кем попало, ее смешливый характер, острый язычок. Первое горячее чувство остыло, завяло. Засохло, как яблоня, которой не подошло место посадки, как зерно, упавшее в иссохшую землю.

И вот молодая женщина, собрав свои нехитрые пожитки, с ребенком на руках и с грузом позора за плечами уехала к сестре в Нуримановский район. Перебраться к матери в родительский дом и в мыслях не было. Знала, что мать встретит ее попреками и укажет на дверь. «Такого у нас в роду не было, иди к мужу». На ее счастье, в той деревне на ферме требовался фельдшер, — и она



поскорей устроилась туда. Там и познакомилась с Романом. Выросший в здешнем деревенском детдоме, паренек с Украины работал в колхозе конюхом, и вот под каким-то предлогом явился к молодой «врачихе», а потом стал приходить постоянно. В один из своих визитов вроде бы шутя предложил: «Переходи ко мне, у нас свободно». Они, четверо бывших детдомовцев, жили все вместе в пустой деревенской избе. Питались в колхозной столовой. «Ты — холостой парень, я — ушедшая от мужа женщина с ребенком, не будешь ли потом попрекать?» — «Сирота с сиротой всегда уживется», — ответил Роман.

И однажды, после того как сестрин муж, напившись, устроил скандал, она, несмотря на причитания сестры, взяла за руку четырехлетнюю дочь и с одним узлом пришла в старую, крытую соломой избу, где жил Роман. В тот же год они переселились во временный барак в соседнем поселке.

По своему виду-обличью Роман был полной противоположностью Шарафа. Желтые, цвета ржаной соломы, волосы, голубые, как безоблачное небо, глаза. Казалось, в соответствии со своей внешностью, он, как ржаной стебель, такой же гибкий и послушный. Его чуть толстоватые губы всегда были готовы растянуться в улыбке. Лошадей не то что бить, даже голоса на них не повышал. И в обожженном сердце Галии, подобно свежему утреннему ветерку, зародилось чувство материнской любви. Она любила этого парня-украинца, постоянно готова была защитить его от любых бед. Ничьих слов не слушала, на недовольство матери и родственников внимания не обращала. Но Роман не стал ее опорой, не стал. Что так оно и будет, Галия еще раньше знала. Женщина сама постоянно его подгоняла, за каждое дело его болела. И в мыслях, и в сердце его одного оберегала, помощницей ему была. Но сейчас Галия ни о чем таком не могла думать. Нет сил на это. Даже мечтать нечего о том, чтобы быть опорой кому-то другому, ей самой опора необходима.

Она оглянулась в поисках чего-нибудь, на что можно было бы опереться, пошарила вокруг руками, но ничего такого не нашла. Она была одна-одинешенька, и душа ее стыла в этом одиночестве. Перебирала про себя имена друзей, родственников, близких, стараясь вспомнить тех, кто мог бы ей помочь, дать совет, — но никто и ничто не могло ее спасти.

Стиснув зубы, Галия продолжала ползти вперед. Во что бы то ни стало ей надо добраться до дома. Сколько раз она мерила эти три километра между большой дорогой и деревней? Кто это считал? Какое это было счастье — ходить, бегать! Ей в удовольствие было и стирать охапками белье, и собирать среди разнотравья ягоды, и выпекать, раздумявшись у горячей печки, стопками блины. Даже то время, когда она горбатилась на совхоз, — каким оно было счастливым! Как был прекрасен мир!

Но чувствовала ли себя счастливой она сама? В том-то и дело, что мысли, постоянно глодавшие ее, не давали воли счастью... Всю жизнь страдали от безденежья, перебивались от получки до получки. Разве ей не хотелось красиво одеваться, ездить вдвоем с мужем в легковом автомобиле? Разве ей не хотелось наряжать, как куколок, своих девочек, дать им образование? И жить попросторнее хотелось, и свои больные суставы целебными грязями в санаториях полечить мечтала. Даже ванна с горячей водой для них — недостижимая мечта. Поэтому и пьет Роман. От нужды пьет. Так легче ему. Женщина, чем труднее жизнь становится, тем крепче за нее цепляется, а мужчина или начинает искать спасения на дне бутылки, или утешается с другой, менее требовательной женщиной.

И Роман, наверно, так думает, и он, возможно, на других поглядывает. А некоторые ведь могут из песка веревки вить: и дома, и бани возводят, и машины приобретают. Если бы Роман был таким же пройдохой, таким же жадным и

хитрым, как завхоз Фаниль и бригадир Фаррах, он бы тоже ходил, как и они, сыто рыгая. Но он не такой. Это ведь нешуточное дело — бежать куда-то ни свет ни заря, на лютом зимнем морозе запустить двигатель насквозь промерзшей машины. Во время сева и уборки — день и ночь в поле.

Конечно, не только Роман и Галия в таком положении. Кому-то и еще хуже. Но только изменить ничего нельзя. У совхозного начальства, что ли, спросить? Каждый из них одеяло на себя тянет. Как повадившиеся к скирде мыши, они при каждом удобном случае торопятся откусить кусок побольше. В газетах пишут и по телевизору показывают одно, а жизнь совсем по-другому идет. Неужели там, наверху, этого не видят те, которые называются коммунистами? Да, недовольство иногда прорывается, если женщины разойдутся, то при случае в теплице или поле совхозному начальству такую трепку зададут! Галия и этого не может. Как бы ни была остра на язык, но оскорбить человека она не в силах. А если и оскорбишь, то что от этого изменится? Начальники — тоже люди. Не только в них причина. А в душе-то накопилось. Как скажешь, что нет этого, когда обиды кипят, сомнения грызут. Не они ли осели в ее суставах нерастворимой солью? А как же от них избавиться? Как примириться с такой несправедливостью? Где найти покой своей душе?

Впереди показались огни поселка. Значит, полпути пройдено. Когда у Галии не осталось сил двигаться на четвереньках, она продолжила свой путь к светящимся впереди огонькам ползком.

«Черные глаза»  
2005 год, август

С левой стороны, сгущая и без того спертый воздух вагона, наплывает запах вареных яиц. Справа, откуда доносится шуршанье фольги, — аромат копченой курицы. «И куда же я попал?» — недоуменно думает Тагир. Вместо того чтобы долететь до места за несколько часов, добираться теперь двое суток. Да еще в такую жару! Отец с матерью постарели, потому, наверно, день и ночь твердили, что поезд — это самое надежное, и Юлия тоже уперлась: боюсь на самолете. И в самом деле, все это лето только и говорили об авиакатастрофах. А срок путевки уже подошел, и возле железнодорожных касс — столпотворение. Кое-как, через знакомых, достали два билета в плацкартный вагон. Купленные предварительно авиабилеты Тагир уже успел сдать. На машине ехать не захотел. Гаишники к номерам из чужих регионов придираются с особым пристрастием. Он, может, и не поехал бы вообще, но врачи в один голос твердят: надо ехать к морю.

Чудно, оказывается, в плацкартном вагоне. Как будто все только на тебя одного и смотрят, и за каждым твоим движением следят чужие глаза. Страдаешь, не зная, куда глядеть, куда руки-ноги девать. А потом он и сам, к вагонной жизни привыкнув, про себя самого забыв, начал всех вокруг разглядывать. Вот две тетki напротив, каждая со шкаф величиной, и два их отпрыска, в длину и в ширину их тоже догнавшие, какой только едой не устали стол: пятилитровый баллон пива, попкорн в больших картонных ведерках, метровой длины батон, полный чайник то ли чая, то ли кофе. Не поместившиеся на столе пакеты с соком, яблоками и апельсинами, конфетами и печеньем валяются на полках. На остановках тащат охапками все, что продается на станционном перроне: пирожки, котлеты, рыбу, дыни.

Мужчины, лежа на полках, читали газеты, разгадывали сканворды, резались в карты, выходили в тамбур покурить. Одного страдальца, перебравшего пива, милиционеры сняли с поезда. Выйдя на станции, он пописал под деревом, чем

нарушил общественный порядок. Это событие стало самой обсуждаемой темой во всем поезде.

Некоторые особенно нетерпеливые из молодых, не в силах сдерживать свой темперамент, занавесили простынями и покрывалами верхние полки и провели там, целуясь и обнимаясь, все два дня пути. Пассажиры постарше, обрадованные возможностью пообщаться, обсуждали садовые дела, международное положение.

А соседями Тагира оказались двое молодых людей, ехавших на какой-то праздник в Краснодар. Сказать, что татары, так один из них и языка татарского почти не знает, больше по-русски говорит, уфимец. Однако всю дорогу намаз читал. Сам худущий, лицо бледное. Как только подходит время, вынимает из кармана маленький круглый, как шарик, компас, определяет по нему южную сторону, потом расстилает на полке коврик и, скрючившись, в темноте читает намаз. Сначала весь вагон исподтишка хихикал над тем, как он с бутылкой в туалет ходил, потом привыкли. В перерывах между намазами или читает религиозные книги, или лежит о чем-то думает. Заподозрив в нем возможного террориста, кто-то, должно быть, сообщил начальнику поезда, — пришли, проверили документы.

Второй парень — за версту видно, что из деревни. Большие красные руки загубели от работы, на ладонях мозоли. Короткая толстая шея крепко сидит на широких плечах, сам он двигается медленно, неуклюже. Листает журналы, названий которых Тагир даже не слышал: «Суюмбикэ», «Тулпар», «Идель». Наверно, мать или жена ему в дорогу положили. На остановках постоянно бегают за сигаретами и пивом. Любит слушать музыку, татарские песни.

Тагир с Юлей тоже взяли с собой книги. И Тагир наслаждался теперь японской прозой, которую давно мечтал почитать. Подруга же листала каталоги мод и глянцевые журналы. За тряпки и украшения она душу может отдать. Вся забота о них — как сорока, на все блестящее падка. Именно это ее легкомыслие и нравится Тагиру. О всяких мелочах голова у нее не болит, казаться умнее, чем она есть, не старается. Женщина должна знать свое место, в дела и замыслы мужчины не влезать. И внешностью она не обижена. Рядом с Юлей, с ее пухлыми, как у куклы Барби, губами, густыми светлыми волосами, пышным бюстом сухощавый Тагир смотрится выигрышно. Красивая они пара. Во всяком случае, у нее нет таких черт, которые не нравились бы ему, и молодой человек подумывает, что через год они, может, и поженятся с Юлей. А что, двадцать пять уже, время, наверное. Им, с малых лет не вылезавшим из «артеков» и ежегодно топтавшим морские берега в студенческую пору, никакое море не было в диковинку. Видели они и Белое, и Красное, и Мертвое, и в океанскую воду окунались. Поскольку в последние годы чаще ездили в зарубежные страны, то Черное море, конечно, немного подзабылось. А в Пицунду почему-то дороги их не приводили. Только когда знакомый отца, профессор, сказал, что воздух реликтовой сосновой рощи весьма целителен, Тагир взял туда путевки.

Природа тут и в самом деле изумительная. Говорят, что островок реликтовых сосен сохранился аж с третичного геологического периода.

Те курортники, которым противопоказано открытое солнце, устраиваются в тени гигантских деревьев и целыми днями дышат целебным воздухом, слушая неумолчно поющий среди густых ветвей хор цикад. В августе и море хорошо прогрелось. В бирюзовой его воде изредка проплывают маленькие прозрачные медузы. На хлопок ладошками выскакивают ручные дельфины и играют, резвятся вместе с купальщиками. Накупавшись досыта в морской воде, Тагир выбирается на берег и ложится, растянувшись на теплой гальке. Он нашаривает какой-нибудь плоский голыш побольше и прикладывает его к «пяточкам» на локтях. Якобы эти

голыши содержат много кремния и оттого целебны... Высоко над ним шелестят резными листьями пальмы, наливаются соком плоды инжира, пышным цветом распускаются олеандры.

В обед они с Юлей располагаются в ресторане за столиком в тени. И в ожидании угощения, не спеша попивая вино, сидят и наблюдают за тем, как в стороне от здания, построенного в старинном стиле из камня и какого-то драгоценного дерева, повара колдуют над котлами, нанизывают на шампур шашлык, жарят форель. Из динамиков льются бодрые кавказские мелодии, и в сотый раз крутят песню «Черные глаза»...

Белый снег сияет светом,  
Черные глаза...  
Осень обернется летом,  
Черные глаза...

Когда рядом с тобой колышется море, в благодатной тени вознесшихся в небо сосен слова песни звучат совсем иначе. Кажется, что кавказский джигит поет не простой земной девушке, из костей и плоти состоящей, но райской девушке-гурии, в недосыгаемой дали находящейся, любовь свою изливает...

Красота той девушки из песни с ума свести может, она вообще не из праха рождена, печали земные ее не трогали, горячим огнем ее не обжигало, ледяные ветра и бураны не секли, и в пепел, сгорев, она не обращалась, и, в пыль превращенную, ее никто не топтал. Из лучей произошло это прекраснейшее существо, не дотянуться до нее руками, нет, ни взглядом, ни силой мысли ее не достигнуть — на такой она высоте. Один взмах ее ресниц, одна ее улыбка — и ты вознесешься соколом в небо, голос ее — меда слаще, рабом тебя навеки сделает...

Тагиру хочется подольше продлить пробужденные песней чувства, навсегда сохранить их в своей душе. Сердце его жаждет некой божественной любви. Он ждет, но кого? Кажется, все есть, всего предостаточно, — находится, можно сказать, в райском уголке, в объятиях красавицы Юлии, — но почему душа куда-то рвется, в какие-то неведомые края зовет? Откуда эта печаль, эта тоска?

Он почему-то вспомнил сейчас того юношу-мусульманина с бледным лицом. Тагиру тоже захотелось чему-то самозабвенно поклоняться, всей душой во что-то верить. Вера... Чему, кому на этом свете можно безоглядно верить? Вся его жизнь построена на том, что ему все время приходится кого-то в чем-то подозревать. Кто бы они ни были — твой подчиненный или деловой партнер, — все в любой момент могут подставить тебе подножку, вонзить нож в спину. Только потому карьера его идет вверх, что он постоянно держит под контролем и себя, и свое окружение, всегда готов отразить любой удар. И все-таки иногда хочется это состояние сбросить с себя, как тяжелый рюкзак. Но... нельзя. Получится, что сам добровольно скатишься с высокой горы, ради подъема на которую потратил столько сил. Это стало его второй натурой, и уже ничего изменить нельзя.

В один из дней они пошли на экскурсию. Осмотрели музей Пицунды, древний храм, построенный триста лет тому назад. В храме как раз давали органнй концерт, но на него их группа попасть не смогла — слишком много туда набилось народу. Заглянули в часовню. Там, среди икон, книг и восковых свечей, тихо, как голубка, сидела, шепча про себя молитвы, старушка в платке, старом, но чистом холщовом платье. Люди задавали ей вопросы, она отвечала, не подымая глаз. Ее бледное лицо, небольшие серые глаза и манеры удивительно напоминали того благочестивого юношу из поезда. От старушки исходило какое-то чувство внутреннего спокойствия, такого же безыскусного, как и ее простое

одеяние. Это ощущение было столь притягательным и сильным, что хотелось подойти и прикоснуться к ней. Тагир даже сделал шаг вперед, но вовремя опомнился. Хотел что-то спросить у старушки, но она не подняла на него взора. Опечаленный юноша вышел наружу, в солнечный парк, где весело шумели толпы туристов.

Отделившись от своей группы, Юлия и Тагир направились в Гагры, в ботанический сад. Этот сад якобы заложил один князь в честь безумно любимой им женщины. «Вот это действительно подарок, — подумал юноша. — А мы, несчастные, вручим девушке какой-нибудь букетик и уже считаем себя героями-любовниками». Потом они бродили по улицам города. По улицам — слишком громко сказано, это всего лишь одна центральная улица, которая тянется на несколько километров вдоль морского берега. В безлюдных переулках на каждом шагу бесхозные, без окон и дверей, заброшенные дома. Маленький городок, раскинувшийся на полоске суши шириной один-два километра между морем и Кавказскими горами, лениво ждет окончания знойного южного дня. За каменными заборами по обочинам дорог, в старинных домах, приткнувшихся на склонах гор, — души чужих народов, непонятные языки, иные мелодии, незнакомые судьбы. Город равнодушен. Своими мутными стеклянными окнами он чуть устало и совсем безразлично наблюдает за движением случайных прохожих.

В центре перед входом в современное здание супермаркета томятся местные жители и таксисты. Зайдя туда, Тагир и Юлия купили на вечер самого лучшего вина, набрали разных фруктов.

— Давай на Рицу съездим, — предложил Тагир. — Мне что-то не хочется в номер возвращаться. Да и рано еще. Всего лишь пять часов.

— А как? — удивленно округлила глаза Юлия.

— А вон на крыльце сколько таксистов.

— Не-е-ет! — заупрямилась девушка. — Завезут куда-нибудь, свяжут и сделают заложниками. И так в чертову дыру попали! Средние века какие-то!

— Смотри-ка, ты совсем, как заяц, трусишкой стала.

— Лучше быть живым зайцем, чем мертвым львом, — отрезала Юлия. Но, почувствовав, что спутник не собирается отступить, перешла к уговорам: — Ну Тагирчик, хватит уже на сегодня, я устала. Ноги все стерла. Вот посмотри, если не веришь. — И действительно, от кожаного ремешка танкетки у нее покраснела пятка.

— Тогда я поеду сам, один.

— Езжай! — сказала Юлия. — Ты уже с самого приезда страдаешь, не зная, как от меня избавиться...

— Да ладно, только и знаешь что обижаться, — не желая заходить слишком далеко, Тагир решил отказаться от своего намерения. — Завтра вдвоем поедem.

— Что мы забыли на той горе? — продолжала упрячиться Юлия. Похоже, ей, с ее бледной кожей, не совсем подходит здешний жаркий климат, яркое солнце. Несмотря на то, что она старательно натиралась разными кремами и все время ходила в шляпе, лицо у нее покраснело, а глаза блестели, как у больного человека. — Мне совсем не хочется подниматься туда. Мы были там студентами. Нет там ничего удивительного.

— Ладно уж, — ответил Тагир, — ты возвращайся в номер. А мне посмотреть охота. Когда еще я сюда приеду?

— Езжай, езжай, — сказала девушка и добавила по-татарски: — Кто не видел — увидеть хочет, кто увидел — умереть хочет. Езжай!

Больше они не произнесли ни слова. Поймав такси, юноша довез девушку до ворот пансионата и на той же машине поехал к озеру Рица.

Собрание  
1985 год, декабрь

Сквозь тонкие деревянные стены длинного одноэтажного здания дирекции совхоза слышатся шум, крики. Через запотелые стекла крестообразных рам ничего не видно. Сегодня там собрание. Отчетное. Галия тоже здесь. Ей сегодня вручили медаль «Ветеран труда». Две медали — за материнство — у нее уже были. Теперь стало три.

После отчетного доклада и награждения передовиков неожиданно всплыл не предусмотренный повесткой дня вопрос. В этом году каким-то чудом были достроены два 32-квартирных дома, которые начали возводить еще десять лет назад. Бучу подняла, выскочив, Наташа:

– Почему квартирную очередь не рассматриваем? Кому собираетесь распределять эти квартиры? Почему нам никто ни слова не говорит?

– Этот вопрос должна рассматривать профсоюзная организация, — попытался ловко увернуться директор.

Однако все остальные поддержали Наташу:

– Правильно! Вот сейчас и надо рассмотреть!

– Нечего тянуть!

– Вытаскивайте список!

– Без квартир хотите нас оставить?

Председателя профкома заставили принести список. Избрали комиссию и начали рассматривать. Собрание загудело, как потревоженный улей. Только что нарядные женщины выходили за подарками и премиями, спокойно и важно сидели мужчины, а тут лица у всех сразу помрачнели и посерьезнели, сами собой сжались зубы и заходили на скулах желваки. Квартирный вопрос был для каждого самым большим вопросом. Большинство рабочих прозябает в построенных сразу после войны тесных деревянных бараках: воду надо носить из колодцев, туалет на улице, газ привозной, в баллонах, отопление печное. Ладно еще имеется общественная, два дня в неделю работающая баня. Переезд в квартиру с центральным отоплением, водой и газом всем кажется величайшим счастьем. Сколько рабочих трудилось из года в год в совхозе с одной только надеждой — получить квартиру в одном из строящихся домов. Особенно нетерпеливые, так или иначе извернувшись, находили какой-нибудь вариант и переезжали в Уфу, устраивались на такую работу, где можно было получить квартиру. А здесь, в бараках, оставались самые терпеливые, пенсионеры, такие как Галия, проработавшие в совхозе по три-четыре десятка лет и не имеющие надежды на то, чтобы получить в другом месте жилье или найти работу. Всю жизнь, уповая на светлое будущее, они обрабатывали землю и еле-еле сводили концы с концами.

Галия — в первой десятке очередников. И никто не возражал против решения выделить ей трехкомнатную квартиру. Хотя Роман несколько лет проработал в городе, но сама Галия поливала своим потом совхозную землю целых тридцать лет.

Однако позже произошел скандал. Настоящую бурю вызвал дележ последних десяти квартир. Усталые, утомленные лица сразу исказились, во взглядах засверкали злые искры.

Слова директора о том, что на следующий год будет сдан в эксплуатацию еще один дом и все, кто имеет стаж десять лет, получают в нем квартиры, только подлили масла в огонь.

– Один Аллах знает, что будет потом. Каждый день и про перестройку, и про то и про се говорят, и что совхоз кончают, тоже слух ходит. Мы что, у разбитого корыта должны остаться? Сколько можно терпеть?

Галия так и приросла к своему месту, когда речь зашла о том, чтобы и ее дочери Алие дать однокомнатную квартиру. Хоть бы уж получилось, хоть бы уж дали...

Выучившись на продавца, Алия вот уже пятнадцать лет занимается продажей совхозной продукции в магазине. Зять Фархад — водитель, возит товар в магазин, где работает Алия. Живут вместе, все в том же самом бараке. Зия с семьей переехали в Нуриманово. В деревне, где живет тетка Галии Саима, купили маленький домишко. За них душа спокойна: Зия шить мастерица, зять Ильшат пчеловодством занимается.

В свое время Роман, чтобы расширить площадь, пристроил темную веранду, но все равно жить в бараке с малыми детьми очень тяжело, особенно зимой, когда полы становятся как ледяные. Как бы ты ни старался украсить старое тело, все равно оно остается старым, так же и старый дом — сколько его ни отремонтируй, сколько ни чини, никакого толку нет.

Опасения ее подтвердились — противники нашлись. От кого-кого, но от Малики, которую всегда считала задушевной подругой, она такого не ожидала.

– Что? — выскочила Малика. — Мало того что матери дали, еще и дочери хотите дать? За то, что за прилавком, в тепле, в уюте сидела? Хвостом крутила, глазки строила?

Однако ответ директора был жестким:

– Магомедова (Алия вышла замуж за азербайджанца, и такая у нее была фамилия) планы перевыполняет, недостачи у нее не бывает. Именно дополнительный доход, который давал магазин, позволил быстрее завершить строительство. Я считаю, что квартиру она, без сомнения, заслужила.

После собрания Малика, растолкав толпу, перед всем народом вцепилась в Галию:

– Что, радуешься? И сучонка твоя отхватила квартиру?

– Ты что вытворяешь, Малика? Ты ведь тоже в накладе не осталась.

– Не обо мне речь! Я сколько лет звеньевой, бригадиром работала, а получила двухкомнатную!

– Так ведь на двоих с дочерью... Вам же хватит...

– Хватит, не хватит — не твое дело! Когда вы там размножились, я на работе горела. И днем и ночью про совхозную работу думала! И что? Кукиш с маслом! — Засучив со злостью рукава зимнего клетчатого пальто с песцовым воротником, Малика погрозила кулаком. — Моя дочь должна получить отдельную квартиру! Для этого у меня заслуг хватает!

– Ты почему меня обвиняешь, Малика? Не в моих же руках квартиры.

– Вы везде успеваете! И женихов находите. И что хохол, что армянин — не считаетесь. Один не подошел, другого, помоложе, арканите. Большой притворишься, с работы смоешься и лежишь, спину у печки греешь. А мужиков уложить умеете, еще как умеете. Вон ведь как директор соловьем заливается, вас защищает, наверно, и ему со своей дочерью сумели угодить.

Хотя в последние годы их дружба постепенно охладевала, однако слышать такое от женщины, которую считала близкой подругой, было мерзко. Галия еще не успела прийти в себя после того, что она услышала от Малики на собрании. А теперь совсем онемела. Но Малика, оказывается, еще не все сказала.

– Ты что, думаешь, райская жизнь будет тебе в твоей квартире? Кляча! Гнилушка! Узнай же: твой Роман тоже не лыком шит! Когда ты от работы в

больнице скрывалась, он не один раз в дверь ко мне стучался. Домой вернешься — спроси, родинка с правой ягодицы у него случайно не потерялась, ха-ха!

Галие казалось, будто ее терзает целая свора собак. Будто перед всем народом облили ее из помойного ведра. А ведь ей говорили. Когда попала в больницу первый раз, Наташа рассказывала. Тогда она даже слушать не захотела. Не может быть, мой Роман не такой. Видя, что она ничему не верит, наушничать ей перестали.

Вздрыгнув, женщина посмотрела вокруг. В глазах у нее потемнело. Нестерпимая боль пронзила затылок и поползла к вискам. В этот момент кто-то подошел к ней и мягко взял за локоть.

— Пошли домой.

Это был муж.

— Не обращай внимания на слова этой дуры, — сказал он. — Она бесится, что не дали квартиру ее дочери-лежебоке. Ну давай, шагай уж... Люди ведь смотрят... — Он пригладил растрепавшиеся волосы жены, накрыл ее голову шалью, которую сам когда-то подарил. И только скучные огни фонарей на столбах тускло освещали дорогу двоим, шагающим в сторону барачков.

Адамовы яблоки

2005 год, август

— Что, маладой челавэк, нэ можешь кашу с дэвушкой сварить?

— Пусть голову не морочит, — махнул рукой Тагир.

— Правильно, маладой челавэк, нэльзя им разрешать садиться на шею, — поддержал его среднего возраста, с густой, начинающей седеть шевелюрой таксист.

Он окинул клиента с головы до ног холодным взглядом карих навывкате глаз так, будто хотел пронзить его насквозь.

По ухабистой дороге машина медленно поползла вверх. Слева оставались плантации то ли деревьев, то ли кустарников, которые рядом с высоченными эвкалиптами выглядели просто карликами.

— Мандариновые сады, — пояснил таксист. — Историю их знаешь? Их посадил один ссыльный русский. Деловой, видать, был человек. Сегодня Пицунда живет продажей мандаринов. За счет вас, туристов, существует.

— А что, другой работы у вас нет? — спросил лениво Тагир.

— Война ведь была у нас.

— Знаю. Недавно у нас в пансионате документальный фильм показывали, заместитель главы администрации Пицунды выступал. Вот эти пустые дома и есть последствия той войны.

— У меня зять грузин был, — продолжал таксист. — Он теперь здесь жить не может. В Россию уехал. Уфа город тот называется.

Тагир даже подскочил на сиденье. Каково это — в горах Кавказа, посреди дикого леса, в чужом разрушенном городе — услышать про Уфу?

— Я тоже из Уфы.

Абхазец этому сообщению не очень-то обрадовался.

— Женился он уже. На уфимке. Двое детей есть. С нашим дипломом врача он на вашем рынке обувью торговал. Бизнесмен теперь.

Машина остановилась перед шлагбаумом. Оказывается, проверяют паспорта и собирают дорожный налог. «Это хорошо», — подумал Тагир. Он уже раскаивался, что повздорил с Юлей и едет теперь с этим мрачным таксистом,



которого начал побаиваться. Завезет в какую-нибудь дыру, в ущелье, и оставит, и будешь там бродить-скитаться. Доверься им... В своей конуре и собака сильна.

— Дорога-то, однако, хорошая, — сказал Тагир, когда они миновали контрольный пункт.

И в самом деле, дорога, то огибающая скалы, то перепрыгивающая через ущелья, то ныряющая в длинные тоннели, производила впечатление построенной обстоятельно, на века.

— Эта дорога ведет к даче Сталина, — пояснил таксист. — Он хоть и не любил самих абхазцев, но Абхазию любил. Такой райской природы больше нигде нет. Знаешь, как название нашей страны переводится? «Страна души», «пространство души».

— По-татарски «жантояк» будет, — перевел Тагир, вспомнив слово, которое он то ли в газете, то ли в книге какой-то встречал.

— По-татарски? Ты — татарин?

— Да, — ответил мододой человек несколько смущенно. — Только я по-русски разговариваю. Лишь с бабушкой в деревне по-татарски общаюсь.

— Вы ведь большой народ. Сколько тысяч-то?

— Миллионов. Около семи миллионов. Но с каждым годом уменьшаемся.

— А нас — сто тысяч! — с гордостью произнес абхазец. — Мы были тысячи лет тому назад и через тысячу лет тоже будем, даст Бог. На нашу землю и греки приходили, и турки, и русские, и грузины, но мы до сих пор есть.

Тагиру захотелось возразить этому водителю-хвастуну: «Почему же, если вы такие замечательные, вашу страну женщины кормят?» При переходе границы они видели, как по мосту из России через пограничную реку течет караван женщин в черном, тащащих на себе мешки, тянущих за собой груженные коробками тележки. Вот так, пешком ходом, везут и несут на себе нужные продукты: муку, масло, крупу, сахар. Машины встречаются очень редко, да и те в основном принадлежат туристам. Сами могут продавать только орехи и мед. Да в декабре мандарины созреют. Еще кукуруза на этих камнях может расти, вон около каждого дома ее узкие листья трепыхаются. Изредка виноградные сады встречаются. То, что почвой называется, — это смесь песка с мелкими камешками. Изредка попадаются пасущиеся на склонах низкорослые, красно-белой масти коровы. Остались позади полуразрушенные остовы каких-то заводов и фабрик. Как же они тут живут? Сами вроде не особо озабочены, никогда не торопятся. И такое уже сколько лет продолжается. Как только терпят, удивительно? Но вслух он ничего не сказал, кавказцы — народ горячий, лишь на первый взгляд спокойными кажутся. Коль ты гость, знай свое место. Разозлится, разъярится — схватит да и скинет с обрыва, и костей не соберешь. Ни суда, ни следствия тут нет, поди потом разбирайся. Вишь какие ущелья — как будто бездонные, чуть к краю подашь — и сразу вниз, в пропасть. А местным водителям хоть бы что, и в ус не дуют. Через каждые шесть-семь километров попадают одиноко стоящие дома, возле них ульи с пчелами. Хозяева сидят у дороги на стульях, рядом с ними разных размеров банки с медом. Остановились снять пробу. Кавказский мед оказался Тагиру ничем не лучше башкирского. Проехали водопады «Мужские слезы», «Девичьи слезы». Оказалось, что «слезы» эти — просто сбегаящие с гор ручьи. Вообще умеют в этих краях давать громкие названия. Легенд, в которых фигурируют хозяин горы, русалки, лешие, — множество.

— В гроте, недалеко от «Девичьих слез», — расхвастался опять спутник, — нашли вещи, которым четыре тысячи лет.

Еще остановились у Голубого озера.

— Давным-давно на этом месте была пещера. В ней жил святой старец по имени Жри, с седой бородой до самой земли, — стал рассказывать таксист, когда

опять тронулись в путь. — Говорят, он очень много знал и имел доброе сердце. Местные охотники, когда шли на охоту, всегда советовались с ним. Старик рассказывал им про повадки зверей, учил, в каких местах искать дичь. Не удивительно, что охотникам постоянно сопутствовала удача и они всегда возвращались с богатой добычей. В ответ благодарные охотники давали старику мясо, дарили шкуры зверей. Однажды в пещеру зашли какие-то чужие люди и попросились на ночлег. Старик сердечно принял гостей, приготовил для них постель из шкур. А те, увидев великое множество наваленных горой шкур зубров, медведей, лосей, коз, куниц, решили убить старика и забрать себе все это богатство. Исполнив свой коварный замысел, они собрали шкуры и хотели покинуть пещеру, но тут дорогу им преградил внезапно низвергнувшийся бурный поток воды. Свод пещеры с грохотом обрушился и навек похоронил под камнями разбойников. Вот так образовалось озеро. Его у нас называют также Озером старика-абхазца. Взгляни, — тронул таксист за локоть Тагира, — ты видишь, озеро на глаз похоже. Вода совершенно ровная и спокойная. У того старика глаза были такими же бездонными и голубыми.

Когда он рассказывал эту легенду, весь сиял от гордости за свою маленькую страну.

Дорога продолжала подниматься вверх. Вдруг путь им преградила огромная гора. Пройдя сквозь длинный тоннель в ней, дорога пошла вдоль устья реки Юпшара. Горы с обеих сторон надвинулись так близко, что казалось, они вот-вот на тебя свалятся. Потемнело. Дорога снова пошла на подъем. Еще недавно изнывавшего от жары Тагиру снова захотелось увидеть солнце.

— Каньон Юпшара, — сказал таксист, мельком взглянув на побледневшего Тагира. — Через восемь километров ущелье закончится, можно сказать, что уже приехали. В ушах еще не начало шуметь?

— Чувствуется немного, — ответил Тагир. — Сколько метров?

— Рица находится на высоте тысячи метров над уровнем моря.

Наконец выбрались из ущелья. Только, оказалось, слишком рано вздохнул с облегчением юноша. Теперь они ехали над каньонами, на головокружительной высоте. Юноша совсем вжался в сиденье, вцепился в него обеими руками, сердце было готово выскочить из груди. «Спаси меня, Всевышний», — шептал он, пытаясь вспомнить хоть какую-нибудь молитву. А водитель знай себе гонит машину. Если попадаются встречные автомобили, он быстрым резким движением выворачивает руль, подается всем своим худым телом вперед, машина тоже делает скачок вперед. А между дорогой и пропастью всего лишь пять-шесть шагов. Тагиру оставалось только крепче жмурить глаза.

А возле озера Рица целый сабантуй: автомобили разных цветов и марок, новые и старые, автобусы ждут туристов. Водители не суетятся, спокойно и лениво ведут меж собой разговор.

— Иди, — сказал таксист Тагиру, — там экскурсоводы бывают, присоединись к какой-нибудь группе. Я здесь подожду.

Озеро Рица широко раскинулось посреди высоченных гор Кавказа. Площадь его, оказывается, 132 гектара, глубина 115 метров. Вода темно-зеленого цвета. От берега в воду тянется бетонный причал, к нему привязаны катамараны и лодки. Видно, что далеко не новые, — в ржавчине, краска облупилась. На воде плавают пустые пластиковые бутылки, мятые стаканы; весь этот мусор, двигаясь по течению, собирается в кучу у железной решетки, которая не дает ему попадать в вытекающую из озера реку Юпшару.

Почувствовав, что проголодался, Тагир направился к стоящему в стороне ряду кафе и ресторанов. Попробовал только что пойманную в озере жареную форель, абхазскую лепешку с сыром хачапури, продегустировал вино. Здесь,

рядом с мангалом, от которого исходил горьковатый запах дыма и жареного мяса, в летнем ресторане, построенном в виде избы из бревен, ему показалось, будто он вернулся в деревню. Ну чем не деревня? Вон поодаль висит большой чугунный котел, в нем суп кипит. Дед его тоже, как лето придет, устанавливал казан в летней печке на огороде, и там готовили всю еду. Вон выводок цыплят ходит и что-то поклевывает, дальше — загородки для взрослых кур. Козы пасутся, кони. Дров наколотых целый ворох лежит. Наверно, это повара вместе с семьями на лето сюда перебрались.

Говорить нечего, для городских — это экзотика. Ребятишки, галдя, окружили козу, фотографируют, снимают на видео. Ему стало смешно. Стоило ехать за две с половиной тысячи верст, взбираться на вершины Кавказа, чтобы увидеть деревенский двор?

Только выйдя из избы-ресторана, Тагир осознал, что находится посреди Кавказских гор. Куда ни глянь — величавые вершины, одна другой выше. Склоны ближних поросли густым лесом. За ними стоят еще более высокие, более крутые. И совсем уж в небесах в гордом спокойствии высятся огромные пики, шапки которых скрываются в сизых облаках. Это безмолвие, эта тишина гнетет, подавляет. Невольно и глубоко начинаешь осознавать свое полное ничтожество, бессилие, мелочность своих мыслей-обрывков и прочей житейской суеты.

— Вон, видите лицо человека, обращенное в небо? — это, оказывается, подошла группа туристов.

Тагир машинально повернулся в ту сторону, куда указывала девушка-экскурсовод. И в самом деле, у горизонта, нахмутив густые брови и поджав губы, горестно-печально смотрело в небо гигантское каменное лицо.

— Это один из трех братьев озера Рица, — пояснила экскурсовод. — Горюя из-за своей сестры, они обратились в камень. Охраняют покой самой прекрасной на свете девушки, превратившейся в озеро Рица. Они теперь никому не дадут ее в обиду. А вон там, видите, тот горный хребет? Похож он на спящего богатыря?

Туристы двинулись дальше. Тагир за ними не пошел. Ему почему-то вдруг стало страшно. Безмолвные и неподвижные горы, зеркальная, без единой волны, гладь озера и густой лес вокруг него, привязанные к старым доскам ржавые катамараны — все они глядят на него враждебно. Он здесь — пришелец из другого мира. Он перевел взгляд на каменное лицо у горизонта. Действительно, похоже на суровое лицо мужчины. Он как будто с трудом сдерживал свой гнев на ползающих по берегу двуногих, желая, чтоб эти существа поскорее оставили в покое его сестру. И кажется, вот-вот сбросит он с себя каменные цепи гор и, сотрясая землю, двинется на тебя...

Юноше захотелось скорее вниз, к морю, с его шумом, изобилием солнца, озорными дельфинами. Стремясь избавиться от внезапно охватившей его непонятной тревоги, он поспешно зашагал к остановке такси. Даже не подошел к торговцам, предлагающим разные фрукты, сувениры, самодельные кинжалы, пропало и желание посетить расположенную рядом дачу Сталина. Не остановился и возле старика, одетого в живописные лохмотья и кричавшего «Покупайте адамовы яблоки\*! Исцеляют от всех болезней!» Разыскал знакомые «жигули» и быстро прыгнул в кабину.

Тагир устал, и обратная дорога не показалась ему такой увлекательной. Наконец машина остановилась у ворот пансионата.

— Спасибо, что благополучно довезли, — сказал Тагир, протягивая деньги.

— Не надо, — неожиданно ответил таксист и отвел руку Тагира. И, не выходя из машины, не поднимая глаз, подал ему мешочек с газетным кульком внутри. — Передайте, пожалуйста, этот мешочек, когда вернетесь в Уфу, вот по этому адресу.

— Кому?

— Зятю. Ноги у него болели. Это помогало ему. — И, рванув с места, таксист умчался.

Тагир не утерпел и раскрыл мешочек. Там лежали пять штук тех самых зеленых, похожих на апельсины плодов, которые он видел на горной вершине.

Гость

1986 год, декабрь

После того как зарезали домашнюю скотину, Галия собрала застолье. Аж до печенок ее достали женщины, с которыми она раньше работала, и особенно ее сердечная подруга Наташа. И пенсию, мол, свою не отметила, и новоселье не справляла, обижалась она. Э-э, как будто не знают, что не до гостей ей было. Однако согласилась. Ей и самой хотелось хоть на время забыть все свои тревоги, тяжелым грузом давившие на плечи, и как топор висевшие над головой горести. Раньше она всю деревню приглашала, если собирала праздничный стол. На этот же раз решила позвать лишь близких родственников и друзей.

Хотя прошло уже полгода, как они переехали в новую квартиру, однако ремонт еще не сделали, полы не покрашены, шторы на окна не повешены. Искать все в магазинах, выстаивать длинные очереди у Галии нет ни здоровья, ни времени. Вместе с детьми все вымыли, выскребли, сменили постельное белье, заранее приготовили чак-чак, хворост. Если уж зовешь гостей, то все должно сверкать и блестеть.

И надежда таилась у нее в душе: может, когда с уст спадут оковы, развяжутся языки, то прозвучат слова, которых она ждет, дадут нужный ей совет. Может, кто-то одним случайным словом засветит в ее жизни лучик надежды. Она чувствовала, что люди должны сказать ей какое-то слово. Казалось, прояснив то, что не совсем понимала и сама Галия, прояснив свое отношение к Галие и Роману, они должны поставить точку. Однако среди сыпавшихся, как песок с горы, похвал, поздравлений и приветствий не сверкнули те золотые крупинки, которых она ждала. Никто так и не вышел за границы учтивости, и даже щедрый стол и обильная выпивка не смогли развязать языки ее близких. Птицы, которые должны были вылететь из клетки, не вылетели.

Гости разошлись, стол прибрали, посуду вымыли, уже собрались ложиться спать. И какая муха укусила Романа — ни с того ни с сего вспылит. Велел налить тарелку супа, сел за стол с оставшимся угощением. И вдруг грохнул по столу своим здоровенным кулаком. Стоявшие с краю стопки и чашки подпрыгнули, попадали на пол и вдребезги разбились.

— Зачем столько луку положила в суп?

Сердце Галии екнуло. Она попыталась, как прежде, обратить все в шутку. Не вышло.

— Да ты же, отец, в тот раз сказал, что сырого не надо...

— Ну и что? А сегодня мне сырой нужен!

— Начищу сейчас. Свежего...

— Не надо! Ешь сама свое варево!

В миску с жирным золотистым бульоном закапали крупные слезы.

— Не умеешь даже суп по-человечески сварить! Если не можешь, чего берешься?

Женщина ни слова не смогла сказать в ответ. Кое-как она прибралась, ощупью доползла до своего места в темном углу за шкафом и там свалилась.

— Мама, мамочка, ты плачешь? — затеребила ее младшая дочка.

Мать прижалась к ее мягким, приятно пахнущим волосам и, не удержавшись, заплакала навзрыд.

— Папа, а почему мама плачет? — спросила девочка, подойдя к сидевшему перед телевизором отцу.

— Пусть плачет. Лежит в своем углу, так пусть и лежит!

...Ночь на исходе. Но сон не берет Галию. С широко открытыми глазами она просматривает страницы книги своей жизни. Не читает, просматривает. Они уже прочитаны. Читать их заново у нее нет никакого желания. За ночь она пересчитала все свои горести. Хотела в книге этой найти светлые страницы. Однако нынешнее ее состояние перекрашивает ее прошлые удачи и радости в черное. Она — как тот человек, который целый день собирал ягоды и только к вечеру заметил, что посуда его — дырявая. Или как та птица, которая вила-вила себе гнездо, а ястреб его разорил. Она считала себя сильной. Но, оказывается, она очень слабая. От всякой малости душа ее падает в бездну, от малости же возносится в небо. Другой бы даже и не подумал. Сегодня вдрызг разругался, а завтра обо всем забыл. А она не может забыть, не может. Ни плохое, ни хорошее. Эти раны долго заживают. Рубцы остаются. Кажется, что сердце ее уже сплошь в рубцах. Как можно жить с такими тяжелыми мыслями? Иногда ей так и хочется собрать эти мысли в комок и бросить кому-то в лицо. Но все равно она никого не может винить и проклинать, ни на кого не может обижаться.

Кто виноват в том, что с ней случилось? Роман? Состояние мужчины можно понять. Разве ему не хочется жить со здоровой, красивой женщиной, не хочется, чтобы за ним ухаживали? Почему он должен страдать из-за больной жены? Ведь как пень дубовый теперь фигура Галии. Пальцы на руках и на ногах скрючились, лицо покрылось бурными пятнами, родинками. И скоро не ходить будет, а ползать. Удерживать душу в этом изношенном и обессиленном теле — уже чудо.

Галия словно опять в поле одна-одинешенька оказалась. Опять у нее не осталось никакой надежды, никакой опоры. Безысходно тяжелая пустота, как огромный паук, душит ее, застилает пеленой глаза, давит на душу... Наверно, для нее в этой жизни нет никакого просвета... Никакой радости... Она подошла к роковой черте. Ни вперед, ни назад дороги нет. Дышать нечем. Вон ведь как тончают и тончают нити, которые связывают ее с детьми, с мужем, с миром людей... Серая туманная пелена настойчиво тянет ее к себе, зовет раствориться в своих объятиях. Оставшись в безвыходном положении, женщина растерянно оглядывается вокруг, пытаясь что-то разглядеть, что-то разобрать сквозь туман. Но он безразличен и безмолвен. Нет, это ведь не туман, это — та серая река. И она неудержимо уносит ее, увлекает своим могучим потоком... А не та ли это река, в которой когда-то за одно мгновение исчезла ее сестра-красавица? И не так ли, как сестра, исчезнет и сама Галия? Эта мысль потрясла ее. Однако сопротивляться у нее не было желания. Она уже на все согласна... «О Аллах, мой Аллах, — шепчет она обессиленно, — предаю себя в руки твои. Я раба твоя... Покорюсь участи, уготованной мне тобой...»

Назавтра был погожий день. Подобные дни выпадают редко. На сугробы вдоль заборов в огороде как будто насыпали жемчужные бусы. Настоящая сказочная страна. Хочется, войдя в эту красоту, побродить, любуясь ею, всласть искупаться в ослепительно сверкающем потоке. Наутро, когда муж потихоньку, без настроения попив чаю, отправился на работу, а дети, почему-то чувствовавшие себя в чем-то виноватыми, ушли в школу, Галия решила замесить тесто. Она уже привыкла так: встать, встряхнуться и снова воскреснуть из пепла. Вечерние мысли и чувства в самые дальние уголки души запрячет, а утром снова ясный день встречает. Она все еще умела находить в жизни вкус и красоту.

Еле передвигая ноги, принесла с балкона, чтобы согрелись, доску для раскатывания теста и скалку. Диму порадовать надо. Девочки, они как птицы, поклюют — и сыты. А мальчик — совсем другое: если кусок в руках не подержит — не насытится. И в школу с собой в свертке уносит. А Роман лапшу любит. Хотя вчерашнее угощение и было обильным, но кабартму\* хозяйка не успела испечь.

Пока поднималось тесто, Галия на коленях вымыла пол, полила цветы.

Дочери, наверное, тоже устанут — в молодости всяких дел полно бывает. Под кроватью обнаружилась банка с белой краской, она ее вытащила и покрасила газовую трубу. Уже почти год как переехали, а все с ремонтом покончить не могут.

Потом долго ругала себя за это: «Чего, дура старая, с краской затеяла, когда тестом занялась?» Попробовала разобрать давно начатое шитье — собиралась дочке Любе на день рождения платье подарить. Надо бы закончить.

Наконец начала печь. Зажгла газ, и вместе с его теплом по квартире распространился запах краски. Любит Галия возиться с тестом. Оно ведь как живое существо. Как ребенок маленький. Не терпит не только грубого обращения, но и недоброго взгляда не выносит. Блюдо из теста только тогда получается, когда берешься за него со спокойной душой, когда имеешь для этого настроение и время.

...И тут кто-то постучал в дверь. Она открыла. Какой-то незнакомый старик. Кто же это? Взгляд ее встретился с лучистым взглядом карих глаз. Этот взгляд как будто проникал в самую глубину твоей души, распознавал всю твою сущность. Ничего от тебя не ждал, но и не хотел осуждать. В нем была то ли тревога, то ли печаль за тебя.

И как-то незаметно для себя Галия облегченно вздохнула. Словно после долгих блужданий по темному лесу вышла на большую светлую поляну. Словно гнездившаяся в ее душе птица взмахнула крыльями и взлетела высоко в небеса.

— Давайте, дедушка, проходите, — пригласила она, открыв настежь дверь. — Говорят, хороший гость хозяев хвалит, когда к обеду приходит. Я только что кабартму испекла. Чайник вон кипит. Вы, наверно, пить хотите.

Старик без всякого стеснения перешагнул через порог. Светлым своим взором оглядел скромное убранство тесного жилища. Заложив руки за спину, постоял, рассматривая фотографии в висящих на стене рамках, потрогал ласково рукой буйно цветущие на узких подоконниках алую герань и синие фиалки.

— С молоком будете пить? — спросила Галия.

Сама даже удивилась, как это она позвала в дом совершенно незнакомого человека, как, забыв про свои больные суставы, чуть ли не бегом приготовила чай. Да, раньше, когда она росла, был такой обычай — нет гостя дороже путника. Покойная мать, при всем ее строптивом характере, кто бы ни зашел к ней в дом, последний кусок выставляла и принимала лучше, чем родного... «Приняв образы нищих, нас, сынов человеческих, испытывают либо ангелы, либо Хызыр и Ильяс\*», — говорила она...

Старик сел за стол. Отломив кусок кабартмы, положил возле чашки.

— Ешьте, макайте в сметану. Или вот в вишневое варенье. Как вам нравится. Давайте же, давайте, не стесняйтесь. Пробуйте все что есть. У нас уж особого угощения нет, чем богаты, тем и рады... — потчевала хозяйка гостя. Ей почему-то хотелось сделать приятное этому доброму человеку. Хотя видела его первый раз, старик казался ей давным-давно знакомым, хорошим другом. Галия не любила жаловаться чужим людям, но сейчас почему-то открылась: — Моя мать-покойница говорила: для молитвы больного и путника препятствия нет. Может, за упокой ее души молитву прочитаете, если умеете... Почему-то в последнее время она мне часто снится стала. Она ведь у меня на руках, в доме тети Саимы умерла, — всхлипнула Галия. — Я после работы на попутной машине

ехала про здоровье ее узнать. А ей неожиданно плохо стало. Три дня уже лежала. Позвонила своим по телефону и осталась ночевать. Все знаками просила, чтобы я руку свою на лбу у нее держала. Наверное, так ей было легче. Перед рассветом отошла. До самого конца на ее устах слово «Аллах» было. Как только сознание прояснилось, себе, нам, детям иман\*\* просила, бедняжка. Она ведь всю жизнь ни одного из пяти ежедневных намазов не пропускала, такая твердая в вере была. Всю жизнь за нас молилась, хотела, чтобы и мы верующими стали. А где уж нам, дедушка, времена ведь сейчас совсем другие. Хоть я и самая любимая, младшая ее дочь, но, что поделаешь, не смогла я ее волю выполнить. Хоть и благословила она меня, умирая, но я все время по-своему жила, по желанию матери жизнь свою не смогла построить... Знаете, как это тяжело? Все равно что по горячим углям ходить или спать на гвоздях... То же самое, что гору на плечах держать. Знаете, сколько сил для этого нужно? Или я ошибаюсь? Почему так душа болит? Как теперь жить? И здоровья нет никакого...

Так, разговаривая, вроде бы и забыла все свалившиеся на нее в последнее время заботы и железной хваткой державшую за горло печаль. А старик как будто самые сокровенные мысли ее прочитал.

— Не горюй, — сказал он, чуть грустно улыбаясь. — Все проходит, ты ведь знаешь... И это пройдет. Будь спокойна. Я это пришел тебе сказать.

Другая бы спросила: «Кто вы? Откуда пришли?» А у Галии иные вырвались слова:

— За детей страдаю: если со мной что случится, как они будут... Из-за этого сердце болит. Старшие-то уже самостоятельные, а Дима еще техникум не окончил, Любу надо в училище выучить.

Старик улыбнулся. Поднес ко рту кусочек кабартмы.

Хозяйка кинулась, чтобы выключить газ под закипевшим чайником.

— Давайте-ка я кипятка вам долью.

Обернулась — и едва не выронила из рук кипящий чайник. Прохожего и след простыл. Галия зачем-то заглянула под стол, осмотрела комнату. Открыла наружу дверь. Ни во дворе, ни на улице никого нет. Нечистый, что ли, это был? Может, все привиделось ей? Но вон на столе чашка с чаем, рядом половина кабартмы. А другой половины нет.

Ноги сделались как ватные, и она плюхнулась на стул. Сердце билось часто-часто, в ушах шумело...

Подарок

1986 год, декабрь

— Мама, родная... Открой глаза! Ты слышишь? Хлебни бульону, ну давай. Ну-ка, голову поднимем повыше. Вот так, вот молодец!

Галия все это слышит, все понимает. Только глаза открыть не может, веки такие тяжелые стали, совсем не слушаются. Дышать трудно. Вздохнуть полной грудью страшно, каждый вздох отдается болью. Чей это голос, знает, — младшей дочери Лены. «Дочка, доченька, — крутится у нее в голове. — Будь ты благословенна, родная! Пусть руки-ноги твои никогда не болят».

Пресноватый вкус куриного бульона растекается во рту, блаженным теплом распространяется в груди. Через некоторое время ей осторожно опускают подушку. Мягким, смоченным в теплой воде полотенцем промокают вокруг рта, обтирают руки.

— Посмотрите, идите сюда скорей! Мама плачет! Значит, она все понимает! Глаза закрыты, а из них слезы льются. — Она и этот тонкий голосок узнает — Люба; из всех шестерых детей она самая добрая и ласковая.

Ну и чуден же этот мир. Наверно, скажете, никто не поверит: ребенок радуется тому, что плачет его мать. Оказывается, и так бывает.

Раздается низкий голос зятя Фархада:

— Ты не горюй, мама, ты выздоровеешь. Ты ведь горы можешь своротить. Газом ведь ты отравилась. Хорошо, что папа вовремя появился, на улицу тебя вытащил и «скорую» вызвал. Три дня в коме пролежала, после клинической смерти воскресла. Ты будешь жить!

А вот это Алия:

— Ты ведь для себя еще и не жила. Ты за отца-мать душу отдавала, их ублажала, с шестерых детей пылинки сдувала. Неужели ты отдыха не заслужила? Только с чего ты среди зимы красить-то взялась? Тебе, больному человеку, и так хватило. — Это манера такая у Алии — разговаривать наполовину шутя, наполовину всерьез. — Ты опять плачешь? Это хорошо, мама, хорошо... Со слезами у тебя болезнь выходит, сердце успокаивается...

«Почему ты так милостив ко мне, Боже?! — думает Галия. — Кто я такая, чтобы мне столько чести оказывать...» Нельзя сказать, что она не ждала таких слов, ждала, конечно. Но ждала-ждала, да и потеряла на них надежду. Бывают, оказывается, в этом мире такие сладчайшие слова. Бывает, оказывается, такая милость, такое блаженство...

— Разве может не выздороветь такой самый нужный в мире человек? Твоему терпению, твоему разуму памятник можно поставить. На тебе, наверно, даже самого малого греха нет.

«Много у меня грехов, — хочется крикнуть Галие. — Вы же не знаете, от каких тяжких мыслей я страдаю. Моя душа — как поле брани. Там каждый день война, каждый день смертельная битва. Вы же не знаете, какие бури на меня налетают. Эти бури — бури моих собственных мыслей. Я недостойна таких похвал. Мне стыдно. За свою самоуверенность, за свое упрямство стыдно. Мама... Сколько, наверно, я обижала ее... С ее советами не считалась. Я так верила в себя. В свои силы, в свою любовь... Но все это пылью разлеталось, прахом пошло... Я вашему отцу не смогла стать хорошей, здоровой женой. Сколько он намучился из-за меня, сколько унижений перенес. Дети мои, как я напугала вас своими болезнями, этими больницами. Сколько вашей молодости я неудобств причинила», — хочется ей воскликнуть. Но даже губами пошевелить не может. Лишь из глаз одна за другой льются слезы и катятся по щекам.

Почувствовав ее беспокойство, Фархад уводит разговор в другую сторону:

— Мам, ты помнишь, как я у вас первый раз появился? Помнишь, сколько блинов ты напекла? Я таких вкусных больше нигде не ел. А ты, как солнце, сияешь и все потчешь и потчешь меня. На тебя посмотрел — и подумал, что и дочь твоя будет такой же. Ты ведь нам не только резкого слова не сказала, но ни разу даже косо не посмотрела. Ты выздоровеешь, мама!

— Галя, дорогая... Тебе очень плохо? — Почувствовав на лице теплые ладони Романа, Галия попыталась поднять голову и, ухватившись слабыми руками за край кровати, хотела сказать им: «Я благословляю вас всех. Простите и вы меня, мои дорогие. Я вас всех-всех люблю!»

...И в этот момент, подобно молнии, внезапно озарившей облачное небо, ее сознание пронзил ослепительно-яркий луч, и неожиданно ей стало легко-легко. Тихонько, незаметно исчезла куда-то томившая душу боль. Как будто гора с плеч свалилась. Как это ей до сих пор не пришло в голову? Почему она, будучи женщиной, решила тащить такой тяжеленный воз? Ведь и без этого приходит



рассвет, мир двигается вперед, дети растут. «Я на все, на все согласна, Господи! Воле твоей отдаюсь», — думает она, улыбаясь про себя. Теперь ее сознание прояснилось, она все прекрасно понимает. Только почему ее до сих пор уговаривают?

А почему они склонились вон над той лежащей на кровати женщиной, почему так расстраиваются? «Эй, я здесь!» — кричит она им. Но те почему-то даже не оборачиваются. И, желая узнать, кто же эта женщина, она подходит ближе. Лицо знакомое. Под глазами черные круги, губы посиневшие. Когда-то, видать, была в теле, но теперь похудела, седые волосы заплетены в две смешные косички. Что с ней? Спит? На плохого человека вроде не похожа. Стараясь узнать ее, Галия напрягает всю свою память. В следующее мгновение, поняв, что эта женщина она сама, Галия вновь возвращается в прежнее состояние боли и страдания.

— Открой же глаза, мама! Откроешь — увидишь сюрприз. Я не скажу тебе, что это. Ты должна увидеть его своими глазами. И он тоже с нетерпением ждет, когда ты взглянешь на него. Ты должна увидеть его не позже завтрашнего дня.

...На следующий день она и в самом деле открыла глаза. И первое, на что упал ее взгляд, был стоящий на подоконнике в банке с водой цветок розы. А самое удивительное — Галия знала об этом наперед. В ее сознании, еще до того как она открыла глаза, была именно эта картина — среди ярко-зеленых листьев цветущая, излучающая сияние роза. Всю ночь во сне в каком-то прекрасном саду она сажала розы. Как будто никуда ей не надо торопиться и никакого горя у нее нет. Со всеми приветливо здороваается, приветливо разговаривает. Цветы благоухают, набираясь сил от каждого ее слова, и радостно устремляются своим многоцветьем к свету, к сиянию зари.

«Вот ведь, и мне тоже, как юным красавицам, розы дарят», — хотелось ей по прежней своей привычке пошутить, но губы не послушались ее. «Ага, это из-за отравления», — подумала она.

Однако с этого дня она на глазах начала выздоравливать. Возвращались силы. Она и сама чувствовала, как организм идет на поправку. Попросив приготовить крем-бальзам из прополиса, меда и сливочного масла, растирала им узлы на венах. Что где заболит — и там мажет бальзамом, если хотелось есть — ела его ложками. Польза будет — она это знала твердо. Хотя руки и ноги и не стали такими же, как прежде, но мучительные боли стали исчезать. И тело стало легкое-легкое, как у птицы.

И не только телу, но и душе стало легко. Душа ее наконец нашла свою мечту, свой приют. Остались где-то далеко в прошлом тянувшие в пропасть безысходно тяжелые мысли. Галия теперь, как птица, играючи летящая, свободна. Отсюда, с высоты птичьего полета, ей и своя, и чужие судьбы как на ладони видны. Каждый человек для нее — словно открытая книга. Какая-то сила знает, о чем она думает, что скажет, чего хочет. На вопросы, задаваемые ею самой себе, появляются ответы в ее же сознании. Полету ее мыслей-птиц нет границ ни во времени, ни в пространстве. От чувства, доселе незнакомого, но до головокружения желанного, она парит в высоте, хотя иногда падает вниз, как неопытный, только начавший учиться летать птенец ласточки. Человек, вкусивший однажды сладость чувства полета, навек влюбляется в небо и уже не сможет поменять свободу в небесах на клетку с кормушкой.

Но никому нельзя рассказать об этом — не поймут, скажут, с ума сошла, еще сторониться начнут, ведьмой прозовут. Если бы это случилось не с ней, она и сама бы не поверила, посмеялась бы. А может, и нет. Ведь мама в детстве рассказывала ей сказки. Про Аbugалисину\* и Абельхариса\*\*, про пауков,

заплетающих паутинами вход в пещеру, и голубей, вьющих гнезда, выгораживая беглеца-героя...

Но прежде чем обрести эту свободу, она прошла путь невероятных страданий. И она с боязливой покорностью принимает безграничное могущество Всевышнего, который то возносит ее ввысь, то низвергает в бездну. Его воле, тому, что на роду ей написано, покоряется она... Она видит, что и сама, и ее близкие, и все живое соединены с этим миром нитями тоньше, чем волос. Она знает, что нити могут порваться совершенно неожиданно, что время, которое дороже золота, нельзя разменивать на мелочи. Чувство любви, ранее лежавшее на дне ее души, на самой глубине, и заставлявшее ее зубами и ногтями цепляться за жизнь, наконец высвободилось, избавилось от страха и сомнений, от обид и злости. Теперь этот цветок с каждым днем распускается все ярче, горя любовью к Богу.

Она видит также и то, что большинство людей, ведая или не ведая, чувствуя или не чувствуя, догадываясь или не догадываясь, бродят и блуждают, тоскуя по неземному счастью и любви. А чтобы ищущие нашли то, что ищут, она творит за них молитвы. Однако ни близким своим, ни вообще никому тех тернистых дорог, которыми она сама прошла, той судьбы, что выпала ей, не желает, нет... Уж слишком глубоки и страшны пропасти, в которые она падала, слишком круты горы, на которые всходила... Чтобы на долю ее близких выпали дороги более легкие и прямые — об этом она каждым вздохом своим молит Аллаха.

Гостинец  
2005 год, сентябрь

Двухэтажные кирпичные, построенные по современным проектам дома резко контрастируют с длинными старыми бараками. Почему эти развалюхи не сносят, удивился Тагир. Но там вроде люди еще живут.

Квартира, которую он искал, оказалась на первом этаже одного из новостроев. Темный, пропахший кошками тесный подъезд. У нужной ему двери стояли двое: мрачный темнолицый мужчина и молоденькая девушка. «После нас!» — произнес мужчина. Интересно, а что это за очередь? В это время дверь открылась и вышла, кого-то благодаря, женщина с ребенком. За ней показалась небольшого роста босоногая старушка. Волосы заплетены в две забавно торчащие косички, одета в цветастый фланелевый халат.

— Жди, сынок, очередь небольшая, — сказала она и рассмеялась мелким заливистым смехом.

— Кто эта старуха? Что это за очередь? — спросил Тагир, когда дверь закрылась.

— Баба Галя, — хмуро ответил мужчина и больше не произнес ни слова.

Ничего не оставалось, кроме как ждать. И нечего расспрашивать тут. Ему ведь просто надо передать гостинец с Кавказа, и все дела.

Он уже месяц собирается отнести гостинец, который передал таксист из Абхазии. Но все никак не получалось. Болезнь, которая после возвращения с моря недели две не давала о себе знать, вспыхнула с новой силой, после того как Тагир вышел на работу и начал вести прежний образ жизни. Красные, похожие на золотушные, пятна превратили его кожу на висках в сплошную рану. И не было спасения от нестерпимого зуда. Щеки тоже начали покрываться розовыми болячками. Врачи беспомощно разводили руками. Дорогие мази и бальзамы приносили только временное облегчение. А коллеги начали поглядывать на него с

некоторой опаской. Думали, наверно: уж не заразный ли? Юноша был в подавленном, беспомощном состоянии. Все прежние забавы и радости перестали приносить ему удовольствие. Даже на людях появляться стало стыдно. И с Юлей отношения охладели. Впрочем, сразу же после поездки на море между ними будто кошка пробежала. Когда Тагир вернулся с Рицы, Юлия, обидевшись, уже собрала вещи и уехала в Уфу.

С такими мрачными мыслями он шагнул в узкую прихожую. Квартира оказалась трехкомнатной. Повесив свою одежду на вешалку у двери, юноша прошел в комнату, которую ему указали. Возле стены тахта, покрытая пестрым китайским пледом.

В это время вошла старушка и велела сесть на тахту. Сев поодаль и поглядывая на юношу своими блестящими, чуть прищуренными смеющимися глазами, она начала правой рукой водить вдоль его спины, но не касаясь ее.

— Фома неверующий, — были ее первые слова. Поводив руками вдоль спины, она встряхнула ими, как стряхивают термометр. — Снаружи блестяшь, внутри дрожишь.

Не зная что сказать, Тагир удивленно посмотрел на старушку. Не обратив никакого внимания на его вопросительный взгляд, она, как будто стараясь решить трудную задачу, поджав губы и устремив вверх глаза, приняла серьезный вид.

— Где жить, где работать у тебя есть. Не только капает, но течет. Твоих родителей сила. Издалека вернулся. Дорога тебя озадачила.

Услышав это, юноша насторожился. Вроде правду говорит.

— Хворь пройдет, но работу надо сменить. Без души работаешь. Это не твое место. Тебе все заново надо начать. Теперь ведь все частниками становятся. И правильно делают. Вон и мой младший зять, Георгий, свое дело открыть пытается. Он раньше в Абхазии врачом работал. А поскольку он грузин, там ему жить нельзя теперь. По родине, конечно, скучает, да что поделаешь. Кольца для колодцев делает, скотину думает завести. Вон наши прежние начальники — все предприниматели. Только простой народ все чего-то боится, — старушка читала мысли Тагира как будто по раскрытой книге. — Говорят, твою аллергию нельзя вылечить. Можно. Всевышний на каждую болезнь свое средство предусмотрел. Его только найти надо. Сегодня любую болезнь, кроме злокачественных опухолей, можно если не вылечить, то облегчить. У меня, сынок, полиартрит был, пальцы, как бревна, распухли и скрючились. Только ползком передвигалась. И ты тоже по докторам ходил, так ведь? — опять рассмеялась старушка. — Говорили, что у аллергии много видов бывает, так ведь? А чем они друг от друга отличаются и что у каждой своя причина бывает, говорили? А ты знаешь, что ко мне кандидаты наук приходят и про свои болезни спрашивают? Я им говорю, что же вы столько лет изучали, это не вы у меня, это я у вас спрашивать должна. «Бабушка, — спрашивает один, — рака у меня нет?» — «Так ты ведь два месяца исследуешься, — говорю, — разве не сказали?» — «А мне от вас услышать хочется», — говорит. «Нет, — говорю я. — Ты и сам знаешь, что нет его у тебя. А я без единого анализа, без рентгена и УЗИ говорю: нет». Еще один явился: «Я в Индии был. Там один баба\* из воздуха золу сотворяет и из одной ладони в другую пересыпает, я эту золу и вам могу дать». — «Нет, — говорю, — я не собирательница золы. Я цветы собираю. Погляди, каких только у меня нет»... Остеохондроз у тебя, оказывается, тоже имеется, — сказала вдруг она, переменяя тему разговора. — И голова побаливает. А ты знаешь, чтобы расширить кровеносные сосуды, не нужны лекарства за тысячу рублей. Берешь горячую воду. Наливаешь до щиколотки, не выше, иначе варикоз может пойти. Сыплешь соль. На литр воды один стакан соли. Море ведь тебе на пользу пошло,

не так ли? Во-от, когда остынет, выльешь и снова сделаешь. Как рукой снимет твою головную боль.

— Аллергия... — попытался повернуть разговор в свою сторону юноша.

Но, похоже, старушка намеревалась говорить только о том, что ей самой казалось важным.

— Сердце у девушки разбил, не так ли? Молодая еще ведь, молодая... Балованной девочка росла. Но все равно душа добрая. И красивая она. Мусульманка. Это ты и сам знаешь. Мой Дима тоже на татарке женился. И Люба парня-татарина избрала. А ты знаешь, кто только ко мне не приходит. — И она, вытащив из нижнего ящика старенького шифоньера потрепанный полиэтиленовый пакет, начала показывать ему помятые, с загнутыми уголками визитки.

Увидев на них имена людей, известных не только в городе, но и в стране, даже некоторых своих знакомых, Тагир совсем растерялся. Заметив это, старушка рассмеялась. А глаза у нее такие живые, и видят его насквозь, испытывают, изучают. Самое удивительное, что эту старушку Тагир, кажется, где-то уже встречал.

— Из милиции тоже приходили, — сказала она, снова повернув разговор в другое русло. — Только я ничего не ответила. И дети тоже не велят. Дело у каждого свое. У милиции — свое, у меня — мое. Вслед за ними два молодца с золотыми цепями и в кожаных куртках в дверь стучат: «Давай, бабка, гони тысячу баксов и работай спокойно». Я им говорю: «А тысячу морковок не хотите?» Друг на друга поглядели и потихоньку смылись.

— Бабушка, — не удержался от вопроса Тагир, — а откуда у вас такие способности?

— Самой чудно, сынок, — ответила бабка. — В пятьдесят на пенсию вышла, только как без дела сидеть будешь? Немного поправились, пошла в совхоз насчет работы узнать. Посадили вахтером в проходной. Сижу так, сижу. Кто-то остановится, про радость свою расскажет, кто-то про горе. Как-то соседка, когда дома пол мыла, золотое кольцо свое потеряла. Я не стерпела. «Ты что, — говорю, — так расстраиваешься, ты его вместе с помоями у забора выплеснула». Та домой помчалась. Через какое-то время вернулась и мне деньги сует. «Ты ведь экстрасенс, баба Галя! Спасибо, — говорит, — нашла я кольцо». Однажды подруга моя Наташа идет и стонет, зубы у нее болят. «Ну-ка, — говорю, — иди сюда». Раза два по спине ей рукой провела, стряхнула — и перестали зубы болеть. Потом сына ее на ноги поставила. Двадцать лет эпилепсией страдал. И пошло, и пошло. У каждого родственники, друзья имеются, а у них — знакомые. Сарафанное радио. Работу бросить пришлось. Даже из Москвы родственники, которых никогда не видела, дети родственников начали приезжать. Ладно еще дети и соседи терпят. С утра до вечера народ толпится. Тех, которые издалека, поить-кормить приходится. Выпроводить не могу, помочь стараюсь. И ведь помогаю, — внимательно глянула она в глаза Тагира, как будто ожидая от него одобрения.

И опять провела рукой по его спине и стряхнула.

— Не горюй, пройдет твоя болезнь... Полежишь еще на пляже с удовольствием, — опять рассмеялась старушка. — Одного ребенка мать с ДЦП принесла. Ходить не мог. После трех или четырех раз потихоньку пошел.

— А почему злокачественные опухоли не лечите?

— В девяностом году муж умер, — ответила бабушка. — В легких обнаружили. Как ни старалась, помочь не сумела. Только боль ему немного снять смогла. А ты знаешь, моя средняя дочь с зятем Ильшатов пчел держат, — сказала она неожиданно и показала трехлитровую банку около двери. — Смотри, какой хороший мед. Липовый. Тебе мед не нужен?

Тагир торопливо вытащил бумажник.

— Я у вас за две цены его возьму.

— Нет-нет, так нельзя. Цена меда известна.

— Тогда это будет вам хаир\*.

— Деревянный язык, — рассердилась старушка. — Хаир нищим подают. Я что, нищая?

— Тогда примите как садака\*\*.

Бабушка к деньгам не притронулась. Глаза ее, поголубев, хитро блеснули. Она долго рассматривала Тагира, потом снова заговорила.

— Недавно две женщины пришли. Веселые такие. В налоговой инспекции, говорят, работаем. Давай, говорят, бабушка, мы тебе поможем свое дело открыть. Будешь немного налогов платить. Можно будет на телевидение, в газеты рекламу давать. Клиентов еще больше станет, а самой вообще работать не надо будет, двух-трех докторов посадишь, говорят. Я отвечаю: вы знаете, клиенты у кого бывают? А у меня — люди. Даже не пациенты — лю-ди! Деньги мне протягивают. А я вижу: они эти деньги только сегодня в виде взятки получили. «Идите, — я им сказала, — сначала руки вымойте, а потом приходите».

Тагир потихоньку сунул деньги обратно в карман.

— Разные люди бывают, сынок, — продолжила Галия-эби. — Есть с открытой душой, но и очень злые часто встречаются. А большинство — обыкновенные. Придут и начинают выпытывать: «Когда квартиру дадут, когда у нас машина будет, поступит ли ребенок в вуз...» Да, говорю, я ведь здесь квартиры, машины раздаю... Вам сколько нужно? И не только о себе, но и всяких родственников фотографии привозят и о них тоже расспрашивают. Альбом вообще надо было привезти, говорю. Один именно так и понял и целых два альбома притащил. Иногда приносят фотографии потерявшихся близких. Я гляжу и вижу, что человека на этом свете уже нет. Правду говорить не хочется, жалко родных. Иной придет, а на лице у него написано, что не жилец он уже, что дни его сочтены. Как правду скажешь?

— Баба Галя, вы ведь уникальный человек! — воскликнул Тагир. — У меня знакомые журналисты есть, пришлю их, они про вас напишут. Вы всю правду говорите.

Из ящика в шифоньере старушка вытащила кипу газет.

— Вот видишь, сколько понаписали, — кинула она их на тахту. — А слово «правда», кажется, только в названиях газет и осталось.

Оказывается, у нее были причины, как ребенку, обижаться. Одна популярная газета назвала ее уфимской Вангой, а в другом номере этой же газеты ломали голову над вопросом: «Баба Галя — шарлатан?».

— Галия-эби, посоветуйте, как мне дальше жить. Неужели придется работу менять? — наконец спросил молодой человек о том, что его больше всего волновало.

Старушка не ответила. Помолчав, заговорила немного обиженным тоном:

— Эта голова тебе для чего? Чтобы волосы кудрявые носить? Твою жизнь кто должен прожить? Ты или я?

Тут в коридоре раздался звонок. Когда Галия-эби вернулась обратно, в глазах ее уже потух огонек веселого любопытства, она опять превратилась в самую обыкновенную старуху.

— Семья одна пришла. Через пять минут зайдут, — сообщила она.

— А мне еще надо будет приходиться? — с надеждой в голосе спросил Тагир. Он уже начал понимать, почему люди стоят в очереди к этой старушке.

— Да, выпадет тебе еще одна дорога сюда. А ведь мы с тобой и раньше встречались. Осенью, на дороге. Ты, наверно, уже не помнишь, совсем маленький

был. Родители твои в сад ехали. Остановились, меня посадили. Интересно, съел ли ты то красное яблоко, которое я дала тебе тогда? А из тех яблок, что ты привез с Кавказа, три оставь мне, а два себе заberi. Я про гостинец, что ты в машине забыл, говорю. На терке их натрешь, добавишь подсолнечного масла, месяц пусть постоит, потом можешь принимать, и свои «монетки» каждый день протирай, — показала она на красные пятна на лице Тагира. И добавила: — А как там мои абхазские сваты поживают?

Однако у изумленного юноши уже не было сил что-то соображать или рассказывать.

Сон

2008 год, январь

Прошло три с половиной года. Все это время Тагир провел в беспрестанных заботах, решая всякие неожиданные проблемы. Течение его жизни как-то само собой, незаметно повернулось в другую сторону. Исполнив свою давнишнюю мечту, открыл автосервис «Ярдам»\*. Продав машину, купил взамен другую, попроще, и, используя все свои заначки, запустил автомойку. Всю прибыль вкладывал в оснащение и расширение предприятия, а когда перестал успевать сразу в два места, с прежней работы ушел. Когда мать не переставая начала твердить «года твои идут, мы стареем, поэтому жениться тебе надо, жениться», пришлось уладить отношения с Юлей и ускорить женитьбу. В мечети при свершении никаха им целых полчаса разъясняли права мужа и жены, как строить семейную жизнь. Заинтересовавшись приглашением молодого муллы посещать вечерние занятия для молодежи, Тагир стал каждую пятницу ходить на них. Вначале казалось, что все это понарошку, но потом захватило душу его целиком. И зря боялся, что не будет понимать по-татарски, хазрат\* давал свои объяснения и по-русски. Все страхи тоже пустыми оказались — здесь никто не ставил ему в упрек, что сидит так, а не эдак, не попрекал, что делает то, а не это. Никто волю его не ограничивает, ничего от него не требует, мзды никакой не ждет.

Однажды занятия проводить пришел Габдулла-хазрат. Тагир долго ломал голову, где он видел этого бледного худощавого юношу, и наконец вспомнил: это же его попутчик из поезда! Они подружились. Как будто заблудившегося в пустыне путника накормив, жаждущего водой напоив, Габдулла взял Тагира за руку и повел по древнему, но совершенно новому для него пути. По его совету Тагир стал посещать занятия, на которых пятнадцать-двадцать пожилых женщин и один-два деда изучали Коран. Бросало в дрожь и увлажнялись глаза, когда старушки со светлыми лицами в белых, зеленых и розовых платках хором или поодиночке читали нараспев аяты\*\* из Корана. И не переставал удивляться, как это он раньше жил без этих мелодичных звуков. Сиротой он был до этого, душа сиротой была. То ли от горьких сожалений, то ли от радости, душу в небо возносящей, хотелось заплакать. Но нельзя. Как это он, мужчина, будет сидеть и плакать? А шакирды\*\*\* к молодому хазрату относятся с почтением и, как первоклассники в школе, занимаются с великой старательностью. И хазрат весьма ученый. Какой вопрос ему ни задашь, у него уже готов ответ.

И Тагир знает: слова, которые он в этот момент произносит, — верные. Словно какой-то внутренний голос повторяет: истинно это, истинно. То, что он искал неведомо где, на краю земли, оказывается, находится близко, совсем рядом.

Как будто по темному лесу блуждал до сих пор, искал, спотыкаясь и оступаясь, дорогу — и вдруг вышел на светлую поляну, где обретет приют его не

находящая покоя, утомленная, жаждущая душа. И, вознеся хвалу за то, что встретил на пути эту поляну, не переставал этому удивляться. Вот ведь, как будто сюда с разных сторон, с разных дорог-тропинок можно попасть, а ошибся бы на один-два шага, и мог бы вообще мимо пройти.

Постепенно он вслед за теми двумя старичками начал читать намазы, которые совпадали по времени с занятиями. Потом приучился ходить на обязательные для мусульманина пятничные намазы. А через некоторое время они всей семьей пришли в мечеть — на наречение имени новорожденному сыну.

Еще недавно даже не помышлявший об отцовстве, Тагир с головой окунулся в заботы о памперсах, коляске, массаже, прививках. Сначала с затаенным страхом каждый день разглядывал белое, нежное тельце ребенка — нет ли признаков аллергии? Подозрения, к счастью, не оправдались — сын Ихсан, здоровый и чистый, как репка, рос не по дням, а по часам и заставлял плясать и крутиться вокруг себя и неопытных родителей, и дедов-бабушек.

Болезнь, аллергией называемая, благодаря Богу от него, кажется, отступилась. Красные «монетки» вначале порозовели, а затем вообще исчезли, даже следов не осталось. То ли лечение докторов, то ли адамовы яблоки помогли, то ли дух бабки Галии целебным оказался.

Хазратам он рассказал о чудесах бабушки Галии. «Людей, которых возлюбил, Аллах может одарить необычными способностями. Бога признает, деньгами, говоришь, не интересуется, предсказаниями будущего не увлекается, не из рода ли аулия\* эта старушка?» — так сказали хазраты.

Как бы то ни было, но Тагиру хотелось снова повидать эту странную старушку, посидеть и вволю поговорить с ней. Да и мед, который она ему дала и который только как лекарство использовался, уже кончился, так он и меду бы еще взял.

Когда однажды он рассказал о старушке своим друзьям, те сразу вскочили — поедем да поедем. Над одним, который пришел к ней за советом — мол, с тремя девушками дружу, а на которой жениться, не знаю, — она посмеялась и вообще никакого совета не дала. Другой, предприниматель, хотел выяснить причину пожара на своем предприятии, и старушка подтвердила его подозрения. Третьего огорошила, сказав, что в его саду растет сосна с двумя стволами...

И вот после новогодних праздников Тагир отправился в поселок.

Только повернул с главной дороги на проселочную, как навстречу, махая рукой, вышел старик. Выяснилось, что попутчик как раз с той улицы, куда едет Тагир. Непоседливый, похоже, очень бойкий: тарашась своими маленькими хитрыми глазками, все время озирается вокруг. Выпытал у Тагира, куда тот едет. Услыхав, что к Галие-эби, всплеснул руками:

— Вся Уфа с ума сошла из-за этой невежественной старушонки. До сих пор остановиться не может. Ведь уже...

— Почему вы так говорите? — перебил его Тагир.

— всю жизнь одну лишь черную работу делала, ни одной книжки не прочитала — какой она может дать совет? Уж если б ум у нее был, разве столько народу бесплатно лечила бы? Я бы, например, открыл частную клинику по оказанию психологической помощи, вывесил бы преискуронт. Деньги, они ведь под камнем лежат, только знать надо, как тот камень поднять. Впрочем, она всю жизнь недотепой была, такой же и осталась. Горбатого могила исправит. Из шестерых детей ни у одного ума не хватило. Вон Малика! Дочь свою за нефтяника-олигарха замуж выдала, в Америку жить уехали. Вот это я понимаю! А Галкины дети что? Только и знают, что в земле копать, как и она сама. Зять-грузин скот пытается разводить. Разбогатеешь так, жди! Осенью в колоду, из которой скотину поят, что-то подсыпали. Не знай сколько бычков пало.

Оставшихся маслом, лекарством отпаивали, еле на ноги поставили. Если она все знала, предвидела, почему отравителей этих не остановила?! Тоже мне знахарка... — Все это старик выдал на одном дыхании.

В последнее время Тагир не выносил, когда о людях говорили плохо. Ему так и хотелось заткнуть рот тому, кто пересказывал сплетни, во всем выискивал недостатки. Тем не менее сейчас он вел себя спокойно. Нельзя же грубить пожилому человеку.

— А сами вы кто будете, бабай?

Старик вздрогнул. На вопрос не ответил. Снова начал глядеть по сторонам. Попросил:

— Вот здесь, около магазина, остановите.

Они уже были в поселке.

...Высадив попутчика, Тагир поставил машину перед домом, где жила старушка. Зайдя в такой же темный, как и прежде, подъезд, нажал на кнопку звонка. Дверь открыла Лена, младшая дочь Галии.

— Извините, можно увидеть Галию-эби?

По щекам молодой женщины одна за другой покатались слезы.

— Каждый пришедший человек вновь напоминает мне о моем горе. О Господи! Умерла ведь наша мама, умерла! Нет ее!

— Почему? Когда? Она ведь сказала мне, еще раз, мол, приедешь...

— Две недели назад... — ответила Лена. — Два дня всего полежала, поболела... У нее ведь уже был один инсульт. Это второй. Сердце, должно быть, не выдержало. Глаза закрыты, а слезы из них так и катятся. Спросишь — головой кивает, «да» или «нет» отвечает. Чего только она не испытала! Мы ведь как на вокзале жили. Сама с ног валится, а каждому, кто пришел, помочь старается. Мы ее уговариваем, ты себя береги, говорим... А она... Как-то в больницу ее отвезли. Когда вернулась, рассказывала: «И там, узнав, ко мне за лечением потянулись. Ладно, говорю, авось я вам помогу, но мне кто поможет?» Говорит, а сама смеется...

— После того как я у нее побывал, моя жизнь совершенно изменилась, — сказал Тагир, — и, думаю, в лучшую сторону. Я приехал спасибо ей сказать, и теперь вам, ее дочери, свою благодарность передаю. И вот это, умоляю вас, примите как садака.

— Спасибо. Для надгробной плиты пусть будет, — ответила Лена, из глаз у нее снова побежали слезы. — И после смерти мамы добро, которое она делала, к нам продолжает возвращаться... Я чувствую: она и сейчас рядом с нами...

— А она вам не снится?

— Поверите или нет: маму похоронили, документы собираем. А одну бумагу никак не можем найти. Где только не искали! И в эту ночь сон мне снится. Будто мама по дому ходит. Подошла она к тумбочке и дверцу открыла. Когда проснулась я, сон этот забыла. Помню только, что маму видела. На следующую ночь сон повторился. Утром думаю: где та тумбочка? Глянула — и диву далась: нужная бумага там, в старом журнале лежала.

Тагир кинул взгляд внутрь квартиры. В открытую дверь бабушкиной комнаты видно окно с тюлевой занавеской. На подоконнике в жестяных консервных банках скромно сидят невысокие с фиолетовыми глазками фиалки. Тонкие, облепленные мокрым снегом ветки стоящего снаружи дерева, кажется яблони, тянутся к замерзшему окну, будто хотят заглянуть в комнату. Комната пуста. И нет уже той, которая выходила оттуда, тихо посмеиваясь и с любопытством разглядывая нового гостя.



— Дочке постоянно снится, — добавила Лена. — Что-то интересное рассказывает, рассмешить, говорит, хочет. С юмором ведь была наша бабушка. Может, изнутри и жгло у нее, но нам не показывала, настроение свое не роняла...

Попрощавшись, Тагир вышел на улицу. Взглянув направо, увидел: на одинокой молодой яблоньке, будто алая роза, сидит снегирь. Распушив перышки, крутит головой и хлопает крылышками. А глазками-пуговками, хитро поблескивая, на Тагира глядит. Ишь ты, откуда он появился? Только что там никого не было... Неожиданно для себя юноша помахал птичке рукой, словно приветствуя ее. И незаметно улыбнулся родившемуся в нем новому светлomu чувству.

"Бельские просторы", № 6 (163) Июнь, 2012 г.